

16+

Александр Мильченко

Вспыльчивый-Обидчивый, Глухой и Забывчивый

Рассказ

Александр Сергеевич Мильченко Вспыльчивый-Обидчивый, Глухой и Забывчивый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42180011

SelfPub; 2019

Аннотация

Когда молодость соприкасается со старостью, когда юная любовь ко всему живому сталкивается с любовью только к себе, иными словами, когда росток любви еще не успел окрепнуть, а его начинают топтать, объясняя это тем, что росток растет долго и даст плод не скоро, – у человека начинает возникать великое сомнение на счет того, что любовь есть единственное благо и спасение людей. В оформлении обложки использована картина А. Саврасова «Лосиный остров в Сокольниках».

I

В середине весны 19.. года, а именно на следующий день после празднования Пасхи, я направился с самого утра к своей бабушке в село. Идти до нее было долго, часа три обычным шагом. Город, где я жил, и село, разделял густой и пышный лес, который приходилось обходить далеко на юг. Пройти же через необитаемый лес мне запрещали родители под предлогом диких животных. Наверно поэтому люди боялись проделать дорогу к селу, а не потому, что городской народ был совершенно равнодушен к жизни сельского.

Я никуда не спешил и наслаждался красотой природы, соединяясь с ней духовно. Я всегда был как-то чувствителен на те изменения, которые происходят с ней. Зимой, например, меня охватывает оцепенение: в голову ничего не приходит и все с рук вон валится; я большею частью становлюсь также хмур и холоден, и для меня наступает мертвое время. А вот весной, как сейчас, наоборот, я оживлен и весел, возрождаюсь вместе с природой. Стоит мне раз увидеть почки на деревьях или зеленую-презеленую траву, услышать резвый, после долгого затишья щебет птиц, вдохнуть побольше свежего воздуха, чтоб аж нос щипало, или душистого запаха, исходящего от соцветий, – так сразу я оживаю, внутренне крепчаю и радуюсь. Стоит мне испытать и прочувствовать вместе с природой это оживление, так мне сразу начинают казаться все мои прежние мысли и планы такими ненастоящими и

пустыми, а природа одна единственная настоящая и важная, что хочется все бросить и поселиться в глуши этого самого леса! Хорошо, что такое желание мимолетно возникает в моей молодой душе. Ведь мне только девятнадцать! Сколько всего интересного еще ожидает меня, сколько неизведанного и нового!.. Но все же я не могу, скрывая и сдерживая эти возвышенные чувства, не видеть того отвращения, которое у меня все больше возникает к городской, до опостыления однообразной жизни; к каждодневной утренней суматохе всегда спешащих людей. Редко можно встретить обилие живых деревьев, а если и встречу, то уже старые, доживающие свой век. Где же природа, лес и животные? Может быть под старость, когда наберусь мудрости и опыта, у меня хватит духу осуществить мой ребяческий план... «А что? Нарубить лесу, построить сруб, вспахать землю под огород. Заодно проделать дорогу к городу. Всем хорошо будет, и мне хорошо. Буду странников принимать у себя, нищих может быть... Думаю хорошо можно будет обжиться. Не знаю точно, как все устроить, ну да ладно, после разберусь»

Размышляя таким образом, я с некоторым ободрением и нетерпением ждал этого дня в моей жизни, но все же открыто считал его несбыточной мечтой и обычной игрой воображения.

Свернув вправо, на узкую тропинку, которая впереди скрывалась за высокими желтыми камышами, мне с каждым шагом все сильнее чувствовался запах навоза, смешанный с

запахом свежей росы и чистого воздуха. Такие запахи всегда говорили мне о том, что я уже в селе. Хотя было еще прохладно после заморозков, я все-равно радовался тому, что небо совершенно чистое, а лучи солнышка, показывавшиеся из-за высоких стволов деревьев, уже начинали согревать меня. Спускаясь по склону и все дальше отдаляясь от леса, мне впереди, прямо за камышами по правую сторону, виднелась первая сельская изба. По левую от меня сторону, через реку, было еще необработанное зеленое поле, кое-где покрытое белым инеем, по которому обгоняя меня, стремглав, как будто куда-то опаздывая, бежала счастливая, черненькая собачонка. Что она тут делала и куда бежала, мне было не дано знать; но увидеть ее здесь и сейчас было самое большое и отчего-то необычайное чудо! Я не останавливаясь смотрел ей вслед и улыбался. Налюбовавшись собачкой, я начал смотреть себе под ноги, на мокрую от росы траву, а потом на кривой горизонт, который как будто вот-вот окатит волною черное поле, на котором уже работали мужики; потом на небольшой лесок вдалеке, и железную дорогу, так неестественно выходившую из него.

Время в дороге прошло незаметно, и я уже был около бабушкиной избы. Бабушка, со свойственным ей характером, встретила меня теплым и шумным благословением. Меня всегда смущало ее несдержанное поведение при наших встречах; но я успокаивал свою застенчивость той мыслью, что мы долго не виделись, а ее чрезмерную чувственность ко

мне, оправдывал ее одинокой жизнью. Она жила одна с тех пор, как не стало дедушки, и, хотя мы на протяжении пяти лет звали ее к себя в город, она наотрез отказывалась.

С того дня, как дедушка умер, у бабушки в доме вечно темно, даже тогда, когда на улице во всю светит солнце.

– Бабушка!

– Что внучек? – говорила она, что-то копаясь у печи, пока я усаживался за стол, раскрывая окно.

– Ты почему все окна закрыла? Смотри какая на улице погода! Все цветет, солнышко светит.

– Та ну его, это солнце. Вот, лучше возьми пасочки поешь, да яичек крашеных. Вчера Катенька приходила, помогала красить. Вот, кстати, ее работа, смотри какое красивое вышло.

– Что за Катя?

– Как, что за Катя? – возмущенно спросила бабушка, – ты что, забыл, как с ней в детстве гулял? Она вон, в соседней избе живет. Чаю будешь?

Я одобрительно кивнул и нахмурился, вспоминая давно забытые мгновения из детства.

– Тогда подожди, самовар поставлю. А то знаешь, я думала ты позднее придешь. Не успела приготовить.

– Ничего страшного... Знаешь, о чем я по дороге все думал?.. Как было бы хорошо бросить учебу и в лесу поселиться или в селе хотя бы...

– Не мели глупости! Какой лес?

– Я знал, что тебе не понравится...

– Конечно не понравится! Нельзя учебу бросать, образование необходимо. Ты что!

– Да не ругайся, бабушка. Это я только так, пока в воображении представил. И ты представь, как чудно среди деревьев...

– Не хочу я такую самую настоящую чепуху представлять! – перебила она мое воодушевленное состояние. – Ведь что только в молодую голову не взбредет. Глупость одна, да и только. Лучше расскажи, как там родители поживают? Давно их не видела. Как учеба?

Между нами завязался такой простодушный и умеренный разговор, так сказать без всего лишнего и важного, который случается с нами каждый месяц с того самого момента, как бабушка осталась одна. Каждый раз она точь-в-точь задает одни и те же вопросы; а я стараюсь каждый раз делать такой вид, как будто эти вопросы я слышу впервые; но сухости в речи избежать не удастся. Бабушка сильно переменилась. Нет между нами уже задушевных разговоров о Боге и вере, о жизни, в общем, которые мы так любили заводить раньше, и которые нужны мне были именно сейчас. Если я и заводил разговор о своих чувствах и переживаниях, она внимательно слушала и потом резко придавала другое направление нашей беседе. Я не решался спросить у нее, почему она так делает и не хочет говорить о том, что ее больше всего волновало. Кажалось, что ее перестало что-либо интересовать. Я замечал

по ее сосредоточенному виду, что в душе у нее совершалось что-то тягостное и мучительное, но что? – я не мог понять. Это было выше моего понимания...

Весна для простого народа – это не только время пробуждения, но и начало тягостного физического труда: подготовка земли к посадке, уборка двора, дома, скотины. Для рабочего человека, не городского, эти дела были самой жизнью, и впоследствии кормили на протяжении всего года. Для меня же, городского человека, это было большею частью забавой и просто хорошим делом, после которого я чувствовал себя бодрее, свежее, сильнее (как физически, так и умственно); но, что более примечательно, после работы в поле я ощущал какое-то присущее мне с рождения человеческое достоинство, которое никогда не чувствовал ни от одной городской работы. Скорее всего ввиду этой причины мне хотелось домик в лесу...

Поработав весь день в поле, в шесть часов вечера я собрался идти домой. Хотя бабушка упрашивала остаться, я наотрез отказывался потому, что мне было жутко находиться в этом доме; и потому, что после работы во мне было столько внутренней силы, что я непреодолимо захотел ходить и бегать, захотел соединения с природой.

Я счастливо передвигался по узкой тропе на краю села, подле поля. Солнце по невидимой дуге лениво направлялось ко сну, заменяя себя плывшими с севера темными тучами. Уже начинало пахнуть дождем. Хотя солнце своим присут-

ствием обманчиво уверяло, что день не собирается заканчиваться, у меня возникало неопределенное чувство, что время уже позднее.

Мне нравилось смотреть на черную вспаханную землю, которая уходила далеко за горизонт, скрываясь возле небольшой роши на склоне. От одного вида чернозема, я как будто ощущал его душистый запах. Осматривая широкое поле, я, в первую очередь, обратил внимание не на шумный народ, возвращавшийся с работы, а на одинокое дерево, стоявшее посреди поля, ближе к горизонту. Оно выглядело в этом месте как-то неестественно, словно не в своей тарелке, и невольно побуждало меня своим глупым расположением, несколько серьезно призадуматься.

Пока я думал о пустом мешке, небо совсем затянулось тучами и начался небольшой дождь. Дойдя до камышей и пройдя брод, отделявший село от пустынной местности, я ускорил шаг и быстро добрался до главной дороги. Около леса стоял необычайно приятный запах свежей зелени. Я непреодолимо захотел пойти через него, а не в обход, как делал это раньше. Увидев впереди между двух деревьев немного утоптанную тропинку я, не предаваясь раздумьям, уверенно свернул со знакомой мне дороги.

II

Отличительная особенность начала и середины весны –

затяжные светлые вечера, резко сменяемые, по непривычке, темной прохладной ночью. Не успеешь глазом моргнуть, как все ясное небо вокруг быстро покроется темным покрывалом ночи. Такие быстрые переходы всегда вызывали во мне недоумение и некоторое возмущение.

Сворачивая с дороги в лес я совсем не заметил, что уже наступил именно такой весенний вечерок. Я сообразил, что в лесу всегда темнее чем за ним, но не придал этому обстоятельству особой важности. Я не думал свернуть обратно.

Лес внутри оказался довольно просторным: деревья находились далеко друг от друга и можно было вдоволь разгуляться. Хоть стволы у деревьев были голые, сами ветви распушивались высоко над головой и соединяясь кверху, закрывали весь солнечный свет. В лесу было темно и плохо видно; все как в легком тумане. Было много отчего-то поваленных деревьев. Я не сразу обратил на это внимание. Меня все еще одолевало радостное беспричинное чувство любви ко всему живому, возникающее преимущественно в юношеском возрасте. Мне невыносимо захотелось пробежаться, и потому я не сдерживал себя в этом удовольствии. Я бежал что есть силы, преимущественно прямо, совершенно не глядя себе под ноги. Мне показалось даже, что я не бегу, а лечу по воздуху. Я бежал до того момента, пока легкие не начали болеть, а воздуху не доставало для нормального дыхания. После боли в груди последовало головокружение и боль в боку. Наконец я остановился, чтобы перевести дыхание.

Что это со мной было? Почему мне невыносимо захотелось бегать? Я и сам не знал хорошенько; знал только, что так надо.

Отдышавшись мне захотелось выпить воды. Голова еще кружилась, и я был словно опьянен от бега.

Я подошел к небольшому склону, намереваясь спуститься к ручейку, который я слышал, гудел слева от меня. Только я ступил на начало обрыва, меня сразу закружило, ноги поскользили по влажной от дождя траве, и я плашмя упал на землю. Меня поразила мгновенная боль внизу ноги, я подумал, что сломал ее. Испуганно опустив голову, я намеревался увидеть что-то страшное и уродливое.

С ногой все было в порядке, но идти дальше не представлялось возможным.

Я не знал что делать дальше... Я один, посреди леса, ночью, ни людей, ни одной живой души поблизости, помощь далеко... Все бы дошло до отчаяния, если бы вдруг к своему удивлению, я не учуял запах копоты посреди леса. «Откуда здесь этот запах? Не причудилось ли мне? Может кто-то развел костер поблизости и мне помогут?» Я непроизвольно поднял тело и осмотрелся по сторонам. Никого и ничего не было видно вокруг кроме пугающей темноты. Я машинально поднялся на одну ногу, и прыгая от дерева к дереву безостановочно, словно ищейка, двигался к источнику дыма.

Я увидел вдалеке, посреди темной глуши леса, отчетливо вырисовавшийся луч света. Он располагался прямо над зем-

лей, казалось исходил из нее, и был длинной около метра. Из-за нарастающей боли и под влиянием вездесущего мрака, я стоял в оцепенении и никак не мог сообразить, что я вижу перед собой. Простояв несколько минут в состоянии человека, совершенно не понимающего в каком он оказался положении, я невольно направился в сторону этой яркой линии. Чем ближе я подходил к ней, совсем позабыв о боли, тем яснее мне виднелись более темные очертания чего-то схожего на человеческую избу. Не отводя глаз от этой линии, я, однако, заметил нависшее над моей головою густое пахучее облако, выходящее из темной трубы. В мгновение ока я сообразил, что эта яркая линия был всего лишь луч света, исходящий сквозь щель между дверью и землей. Мне сразу полегчало на душе от этого понимания; с моего сердца как будто свалился тяжелый камень, мешавший спокойно дышать. По всему телу пробежало приятное чувство облегчения, а на лбу выступил прохладный пот.

Подойдя к свету, я потрогал дверь над ним, как бы намереваясь убедиться в том, что не испытываю галлюцинаций. Я тщательно ощупал твердую деревянную поверхность. Подойдя вплотную, мне послышался легкий топот и ходьба нескольких людей. Там, значит, была жизнь, там были люди, и это успокоило меня окончательно. Не теряя времени, я осторожно постучался.

Пока я ждал хозяев, мне мельком удалось осмотреть избу. Под влиянием мрака она показалась мне опустевшей. Если бы не дым из трубы и луч света из-под дверей, то я бы так и подумал.

Никто не открывал. Движение и топот прекратились. Я настороженно прислушивался к каждому звуку за дверью. Все настойчивое пение птиц и другие звуки леса прекратились для меня в эту минуту. Не знаю, сколько я простоял в таком положении. Собравшись с духом, я постучал еще раз. Наконец послышались голоса. Яркий свет исходящий из-под двери сменялся увеличивающейся тенью приближающегося человека. Я обрадовался, что мне помогут. Но чем ближе подходил этот человек, тем мне становилось почему-то хуже. С каждым шагом уверенность моя против моей воли волшебным образом слабела. Я начал волноваться, и совершенно не знал, как начать разговор. Мне невыносимо захотелось скрыться, убежать прочь. Порой какой-то инстинкт руководит нами при встрече с новыми людьми.

Но я не успел сделать намеченного: дверь отворилась.

Слова рекой потекли из моего рта. Я, быть может, сам не совсем понимал того, что говорю. Я слишком торопился, а волнение, подкидывая дров в огонь, придавало моей речи неразборчивости. Но остановиться я не мог: нужно было закончить начатую мысль и кое-как рассказать, что со мной произошло.

Окончив болтовню, я впервые обратил внимание на человека, стоящего передо мной, как будто до этого момента его не было здесь, и я говорил сам с собою.

Человек этот был пожилого возраста, высокий и крупный, с длинною бородою. Приближение ночи и тусклый свет, слабо освещавший его, казалось, грубое лицо, придавал его облику грозный вид.

Увидеть этого старца в такой глуши и в такое время было бы сильным испытанием мужества для любого; и встреча бы с ним, всего вероятнее, испугала бы всякого. И действительно! Повстречайся он мне при иных обстоятельствах, меня охватил бы ужас. Сейчас же под влиянием боли, какой-то молодецкой наивности и врожденной доверчивости, я увидел перед собой только человека, способного помочь мне.

Все то непродолжительное время, пока я говорил, он совершенно не двигался, упершись правою рукою о дверь. Должно заметить, что этот пожилой незнакомец не столько облокотился на дверь, сколько придерживал своей огромной рукою, как будто она вот-вот завалится. С каждым моим предложением его лоб то сморщивался, то расслаблялся, а голова все ближе тянулась ко мне, но так, что казалось, ему доставляло большого усилия смотреть на меня.

Он ни разу не перебил меня, выслушивая до конца. Как только я окончил, он резко повернул голову и кого-то позвал; потом повернулся ко мне и заговорил таким добрым и приятным мужицким голосом, который совершенно не шел его

богатырской фигуре.

– Извините меня, я плохо слышу и совсем не понял ваши слова. Сейчас придет мой брат. Расскажите ему еще раз, что с вами произошло.

Как только он заговорил со мной, вся его огромная фигура согнулась в такой позе, как будто он просил милостыню. Окончив говорить, его тело снова обрело могучий вид. Все это я не мог не заметить, даже под влиянием взволнованности.

Только я осмотрел этого старца, подле него показался мужик, наголову меньший его по росту. Он был обычного телосложения.

– Что вам угодно? – спросил он с недовольством в голосе.

– Здравствуйте! Я несколько заблудился, да и еще умудрился ногу ушибить. Уже поздно и темно, домой никак не дойти. Можно у вас переночевать денек другой? Я много места не займу, а за еду заплачу. Деньги у меня есть.

– Чего он сказал? – спросил огромный мужик у своего брата. Но он не получил ответ. Вместо этого его брат закрыл дверь перед моим носом. Они о чем-то говорили. Я понял, что стоит подождать.

Через некоторое время дверь отворилась. Огромный старец пригласил меня пройти в дом.

– Вы простите моего брата за его гостеприимство, – добродушно заговорил он. – Я плохо слышу и не сразу понял, что вы хотели. У нас давно не было гостей... Я видно нюх

потерял на это дело. Но об этом после, еще успеете меня выругать. Вы наверно утомились? Что с вашей ногой? Будете кушать?..

Все время он говорил как-то радостно и отзывчиво, был весь поглощен моими заботами. Говоря и провожая меня, он снова скрючился в позу человека, просящего милостыню. Слушать его приятный голос было одно удовольствие. Я точно знал, что, находясь с этим человеком рядом, можно на время забыть о голоде и усталости, он мигом решит эти две обрушившиеся на меня проблемы. Одним словом, этот человек выглядел очень добрым и отзывчивым стариком.

Такое понимание сложилось у меня после нескольких его обращений ко мне. Но отделаться от тех первых ощущений, которые он вызвал у меня до своего появления, у меня никак не получалось.

Было еще одно обстоятельство, на которое я обратил внимание. Зайдя внутрь, первое, что меня привлекло, это – поведение другого брата. Он совсем не обращал на меня внимание. Как только я вошел, он пропустил меня, понуро опустил голову, как провинившийся человек, и принялся не спеша закрывать дверь на все щеколды, крючки и навесные замки. Дверь, в общей сложности, запиралась на шесть приспособлений разной величины.

Шесть замков на одной двери!

От кого было закрываться в такой глуши? Да еще на два замка, две щеколды и два крючка? Может быть от диких зве-

рей, о которых меня предупреждали родители? Это мне пока было неизвестно.

Справившись с этим делом, он решился провести меня, сделав неестественно ласковую улыбку. Меня смутил его вид, но я только после, перед сном обдумал это странное обстоятельство.

Дом, в котором они жили, большею частью походил на полуразвалившийся сарай, чем на сельскую избу. Внутри было очень сыро и темно. Мне показалось на секунду, что я вошел в какой-то темный, глубоко расположенный подвал. Что-то жуткое вызывало во мне это место. Может быть мне было не по себе от возникшей мысли, что дом есть лицо хозяина?

Эта мысль имеет в себе нечто основательное, но совершенно не касается людей бедных.

Я с некоторым напряжением откинул нехорошие мысли, пробежавшие в моей голове, и радостно смирился с судьбой, что мне придется здесь жить некоторое время. Мне помогли дойти к столу и предложили покушать. Я как раз пришел к ужину.

Пока один из братьев убежал в другую комнату, другой, тот что был меньший ростом, поставил свечу на старый скрипучий стол. Я присел на табурет около этого стола.

Хотя я старался смотреть на все происходящее несколько не обдумывая своего положения и не предполагая, что это за люди, мне все-таки под влиянием темноты становилось нехорошо. Свеча на столе издавала слабый свет и пускала

обманчивые тени на плохо видимые мне предметы. Воображение как будто нарочно стало из играющих теней выделять несуществующих тварей, которые пугали меня. Порой самые обычные предметы под покровом ночи становятся самыми устрашающими.

Мне становилось жутко и неловко, хотелось поскорее уйти. Первое впечатление было удручающим от этого места. Внизу ноги невыносимо болело и пульсировало, казалось, что вся кровь собралась в одном месте и просила свободы. Боль в ноге несколько усмирила мое воображение и вернула ясность рассудку; напомнила, что мне здесь придется недолго находиться.

Ко мне рядом присел меньший брат.

– Тот человек, который пошел варить нам ужин, это наш хозяин – Еким Иваныч. Он старший из нас. Младшего брата зовут Владимир Иваныч, ты его еще не видел. Он постоянно сидит без дела вон в той комнате. Это вообще!.. Вова! Иди сюда, – громко крикнул он на весь дом. Ему никто не ответил, и он продолжил. – Ну и черт с ним!.. Меня зовут Петр Иваныч. Можно просто – дядя Петя. Я средний из братьев. Мы три брата, если ты вдруг не понял, – наивно окончил он.

Петр Иваныч рассказывал все очень просто и понятно, так, как будто он давно готовился к этому моменту. Я успел заметить по его довольному лицу, что он получал некоторое наслаждение слушая свой голос. Он готов был неустанно болтать, лишь бы рядом были свободные уши.

Я внимательно слушал его и только успевал махать головой в знак согласия.

– Ну, а ты откуда к нам пришел. Как тебя зовут?

– Меня зовут Сережа. Я не из села, в городе живу. Попал к вам случайно. Моя бабушка живет в селе, тут недалеко от вас. Может вы ее знаете, ее зовут Анна Константиновна? Я к ней хожу в гости ежемесячно, помогаю в огороде.

– Вот это молодец! Помогать надо...

Пока мы разговаривали старший брат обеспокоено то приходил, то уходил, принося горячие кушанья и столовые приборы.

– Вова! – снова закричал Петр Иваныч. – Иди сюда. Помоги, у нас гости.

Средний брат звал на помощь, а сам сидел и ничего не делал!.. Нет, ничего подобного! Он занимался самым важным делом в этом запустевшем доме, – он развлекал гостя. Именно так он считал.

Мне было неловко, что из-за меня тревожили человека.

– Ладно вам, Петр Иваныч! Что я, царь какой-то? Пусть себе отдыхает человек. Я вообще не голоден.

Из соседней комнаты, которая была заперта все время, легко вышел невысокий человек, на вид лет шестидесяти. Увидев новое лицо, он весело поздоровался, крепко пожал мою руку, и стал помогать брату по дому.

Средний брат все также продолжал забрасывать меня вопросами. Он задавал порой неловкие вопросы, на которые

я не знал, как отвечать. Он был на удивление слишком развязным в общении со мной, совсем не стесняясь того, о чем спрашивал. Стеснен был только я.

Но не будем раньше времени порочить этого человека. Всему свое время. Он еще сам успеет это сделать.

– Петя! Ты что с дубу упал? Ну что ты что ты говоришь! – неожиданно, но сдержанно прикрикнул Еким Иванович на брата. – Зачем такие вопросы задаешь?

– А что тут такого?

– Хочешь, чтобы Никита раньше времени от нас сбежал? – сказал старший брат улыбаясь, и поглядывая мне прямо в лицо.

Его вопрос был очень проницательным.

– Все хорошо, Еким Иванович, – успокоил я его, и себя заодно.

Все было готово к ужину, и мы уселись за стол.

– О, Господи! – воскликнул средний брат. – Я забыл лекарства выпить.

– А? – спросил старший брат.

– Мне надо лекарства выпить.

– Что-что? – более возвышенно и несколько грозно продолжил он.

– Мне нужно выпить лекарство, – все тише, как будто нарочно сказал средний брат.

– Чего? – громко зарычал старший брат. Было страшно смотреть на эти звериные глаза, как будто полные ненависти.

– Мне нужно выпить лекарство, – хладнокровно, даже равнодушно сказал средний брат.

Было страшно и непривычно наблюдать за такой картиной. Я подумал на секунду, что старший брат мигом вспылит, и сделает что-то необдуманное. Но он, напротив, ответил таким добродушным голосом, каким могут обращаться только к глубокоуважаемому человеку:

– Ну так иди, конечно.

Тем временем мне подали кусок ржаного хлеба и перловую кашу, причем посуда и прибор – ложка – были деревянными, и вызывали у меня неудобство. Я так привык есть с обычной посуды и есть металлическими тонкими приборами, что это огромная толстая ложка вызывала у меня недоумение. Но делать было нечего: пришлось согласиться и на скромный ужин, и на неудобные приборы, и с довольным лицом съесть все до крошки, чтобы не обидеть хозяев.

IV

После каши средний брат принес лакомства: печенье и орехи. Был поставлен самовар.

По довольным лицам старшего и среднего брата можно было прочесть, что они получали неопишное внутренне удовольствие. С уст дяди Пети посыпались шуточки. Он начал читать стихи Пушкина, в особенности: «Я вас любил...» и «Мороз и солнце...» Два брата весело закрывали ему рот.

– Сто раз уже слышали эти стихи! – пробормотал младший брат.

У всех было приподнятое настроение.

Средний брат не остановился на обычных стишках. Он взялся за народные песни! Его вой молниеносно пронесся по всей избе. У него был хороший певчий голос. Вытягивая слова его глупо-шутливое выражение лица преображалось в серьезную и сосредоточенную физиономию. Когда он пел более веселые песни, оно обретало прежний вид.

Нужно было видеть этого счастливого старика! Радостно раздирая горло, он заразил меня своим пением полностью и безоговорочно. Мне отчего-то хотелось плясать и выделывать руками и ногами разные штуки. Но я этого не решился сделать.

Только средний брат начал петь песни, два брата сразу закрыли ему рот. Сначала шутливо и невинно, но чем больше средний брат не обращал на них внимания, тем их упрёки становились более угрожающими. В словах добродушного старшего брата вновь показалась ненависть. От этого мое желание плясать прекратилось.

Наступила тишина.

Чтобы отвлечься от неприятного события, я принялся обильно уплетать печенье и орехи.

– Представляете! – вдруг восторженно заявил я. – Только что сделал для себя открытие: если взять печенье и совместить его с этими орехами, то получится в точности вкус ба-

бушкиного пирога. Вот чудеса! – по-детски воскликнул я.

Никто мне ничего не ответил.

На меня все посмотрели с таким видом, как будто я сказал нечто предосудительное. На секунду я даже посчитал, что действительно сказал что-то глупое. Я сосредоточенно начал вспоминать свои слова. Не отыскав в них ничего такого я молча, тщательно пережевывая кусок печенья, думал о счастливом для меня открытии, которое держит свои истоки еще с того времени, когда я был совсем маленький. Мне вспомнилось, как я не находил себе места, дожидаясь остатков бабушкиного крема для торта. Как я радовался неудавшемуся хрустящему коржику, который сразу доставался мне. Какой чудесный запах исходил от него по всему дому!

Как было прекрасно это воспоминание сейчас. Оно на время осветило мрак в этом доме.

Разговор между нами никак не завязывался. Меня спрашивали – я отвечал. Было уже понятно, что между нами громадная пропасть. Дело было не только в возрасте, а в чем-то другом, пока не понятном мне. Задавал вопросы старший брат. Средний внимательно слушал, иногда подкидывая вопросы шепетильные. Старший повышал на него голос за это. Младшего совершенно не было слышно. Видимо он был не в настроении.

Была минута, когда нам нечего было сказать друг другу. Как раз в это время по куриному яйцу живо проползла ма-

ленькая букашка. Видимо ей не понравились наши тусклые лица, и она решила заявить об этом. Она как бы говорила своими усиками: «Чего вы ребятки носы опустили? Ведь все хорошо!»

– Вон, букашка ползет, – лениво сказал я.

– Где? – испуганно спросил средний брат.

Я ему указал пальцем.

– А-ну иди сюда. Получай... скотина!

Он взял ее рукой, кинул на пол и прихлопнул.

– Скотина?

Только я спросил это, так мы все залились таким громким хохотом, что нас в соседнем селе можно было услышать.

– Самая настоящая скотина! – победоносно заявил дядя Петя.

Увидеть огромного паука, таракана или другое ползучее насекомое, было для этого места обычным делом. Иногда можно было встретить ящерку или змею.

Было уже поздно. Я устал и мне хотелось спать.

Меня решили поселить в той же комнате, в которой мы ужинали. Кровать стояла в углу этой комнаты. Все постельное белье, которое мне выдали, было в дырках и пятнах. Это было лучшее постельное белье в этом доме. Я почему-то так устал, что не сразу обратил на это внимание.

По своей городской привычке к постоянно чистому белью, я невольно принялся к одеялу, намереваясь учуять приятный запах. Кроме плесени я ничего не унюхал.

Мне было неудобно. Кровать была слишком твердая. Одеяло слишком толстое. Шея начала болеть, а нога, не переставая, болезненно пульсировала.

Уснуть на новом месте никак не получалось. Нога не давала покоя. Я крутился из стороны в сторону на скрипучих досках. В комнате было совершенно темно и тихо. Я изредка открывал глаза, чтобы убедиться в том, что здесь кроме меня никого не было.

Хотя ушиб мой был не серьезный, я все-таки сообразил, что мне придется здесь прожить неопределенный срок; придется сжиться с братьями как с семьей, полюбить их достоинства и недостатки.

Я думал о родителях и о том, как на них отразится мое исчезновение. «Меня наверно будут искать, нужно будет как-то сообщить о том, что со мной все в порядке» Я начал неустанно думать об этом. Как только прекращалась эта мысль, меня сразу посещала другая. Все дальше и дальше уносил меня поток мыслей. Наконец дошло до того, что у меня разболелась голова. Я не мог дальше безнаказанно думать и обратил внимание на ногу. Она болела больше обычного.

Иногда я открывал глаза, осматривал темноту, как будто намереваясь что-то в ней найти, и снова закрывал глаза.

Я пролежал около двух часов в полном бодрствовании. Но сон начинал постепенно одолевать меня.

День выдался трудным.

В одно мгновение, словно по щелчку, я уснул. Я спал

крепким здоровым сном, который обычно бывает после тяжелого трудового дня. Но это не избавило меня от одного отчетливого сновидения.

Мне приснилось, что меня попросил какой-то знакомый голос посмотреть в зеркало. Зеркало было большое, разделенное на две части. Я смотрю в него и вижу все свое тело в двух зеркалах, но... часть ноги, правой ноги – пропала. (Это была та самая нога, которую я повредил). Я встревоженно начинаю ее искать; вижу, что она торчит из-под дивана за моей спиной. Вижу ее в зеркале, а чувствую там. Выглядит она, как нога мертвеца. Мой взгляд будто приклеился к ноге в зеркале. Я хочу посмотреть на свою ногу внизу, но не могу. Будто нога моя, но принадлежит не мне, а кому-то. Стало ужасно страшно...

Я резко проснулся, и был весь мокрый от пота. Меня переполняло чувство страха. Я глубоко и быстро дышал и ничего не мог с собой поделать. Перед моими глазами виднелась эта нога.

Я открыл глаза. Вокруг была все та же тьма.

Я быстро ощупал свои ноги и успокоился. Они были на месте. Но страх от этого не пропал полностью. Я начал молиться, бубня себе под нос «Отче наш». Постепенно ко мне возвращалось сознание. Хотя я не до конца усмирил чувство страха, чтение молитвы все же хватило для того, чтобы забыться и уснуть снова.

V

День 1-й

Неприятное состояние после сна меня покинуло не сразу.

Проснувшись рано утром от какого-то шума, я все еще испытывал неприятные чувства в груди. Рассудок неоднократно окатывал меня тревожными воспоминаниями. Но даже такому состоянию было трудно побороть молодость моих лет. Все быстро забылось.

То, что ночью причиняет страх, днем вызывает только любопытство.

Стоило мне услышать пение птиц, почувствовать прикосновение прохладного ветра или унюхать свежий росистый запах, – так все плохое сразу забылось. Я неудержимо хотел жить счастливо.

Как же сильно влияет на человеческую душу и рассудок соприкосновения с природой!

Испытывая приятные чувства от щебетания птиц, которое донеслось до меня сквозь закрытые ставни, я быстро ожил. Мне так же послышалось отчетливое бормотание двух братьев, что-то споривших на кухне. Откинув тяжелое одеяло, которое больше походило на матрас, я посмотрел на правую ногу. Она была больше обычного. Потрогав ее пальцами, я понял, что за ночь она опухла. Это говорило о серьезном ушибе.

Только я начал рассуждать о том, что мне с ней делать,

как лечить, чтобы усмирить боль, мое внимание было уже направлено в другое русло. Слух, как преданный слуга, последовал туда же.

– И ты смотришь! – с упреком сказал старший брат.

– А что, – недоумевая спросил Петр Иваныч, – я должен делать по-твоему?

– Убрать это, поставить картошку и смотреть.

– На тебя смотреть?.. – несколько насмешливо и глупо сказал средний брат. Старший злобно фыркнул.

– Ой, Господи!.. А я вот тебя все-равно люблю, старый ты пень. А ты меня?

После этого он прочитал стихотворение:

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.*

Проговорив четыре строчки очень выразительным тоном, средний брат замолчал. Он кажется ждал, что скажет на эту выходку старший брат.

Хотел бы я видеть его лицо сейчас! Но оно безмолвно скрывалось от меня за дверью.

Услышанное проявление чувственности из уст такого старого мужика было для меня поразительным. Я невольно заулыбался и повеселел.

Еким Иваныч ничего не отвечал.

– А тут у тебя чуб черт знает куда идет! – неожиданно сказал средний брат каким-то игривым голосом, видимо поправляя брату волосы.

– Та ну, полно тебе.

Старший брат говорил таким голосом, как будто находился в нерешительности: поддаться ли этому игривому настроению или продолжать быть серьезным.

– Ты в своей жизни кого-нибудь любил, кроме себя? – сказал средний брат так, что я нисколько не ожидал этот вопрос и съжившись думал, как бы я повел себя и как бы ответил.

– Та ну ладно тебе!

– Нет, ну ты ответь... Мне так нравятся вот эти твои волосы на затылке.

– Та ну ладно, что ты все время присматриваешься? Вон, лучше своими делами занимайся.

Но тот не прекращал. Петр Иваныч, почему-то, начал вести себя совсем неестественно и что более примечательно – неразумно. Я все больше слышал от него язвительные замечания на счет внешнего вида старшего брата: его чересчур длинной бороды, грязной робы и дырявых штанов у колен.

– Та ну ладно тебе, хватит уже! – возмущенно крикнул старший брат.

– Точно про тебя говорят: злые языки страшнее пистолетов... Яблочко будешь?

Я никак не мог сообразить поведение дяди Пети. То он

веселый, потом зачем-то клеветает на брата вместо того, чтобы добиваться его расположения дальше; а потом, как будто только что не было неприятного разговора между ними, продолжает вести себя так просто и легкомысленно. «Видимо он забывает» – заключил я после сильнейшей умственной работы, от которой кроме головной боли и извращенных чувств, больше ничего не вынес.

Тут они на время замолчали. Слышались только короткие движения. Скорее всего средний брат кушал яблоко, а старший чем-то занимался.

Вдруг зазвенели банки, что-то хлопнуло об землю, и послышался голос старшего брата.

– Ты говоришь, что ее надо выбросить?

– Я такого не говорил.

– Что ты сказал?

– Я такого не говорил.

– Кто, ты? Как же не говорил, когда говорил.

– Я только сказал, что от рассола капуста пропадет и придется ее через несколько дней выбросить.

– Капуста хорошая, от если такая она будет, то отлично.

– Ну не знаю... Сколько делали на воде, все было хорошо. Так вдруг тебе стукнуло в голову все поменять! Ну что за мода?.. Я тебе еще раз говорю, она так быстро испортится и станет невкусная. Что ты тогда с ней будешь делать? Правильно, выбросишь. И что мы есть будем, я не знаю...

На все это длинное и хитрое рассуждение старший брат

ответил таким простодушным голосом, что все слова дяди Пети показались мне преувеличенными и глупыми.

– Зачем драматизировать? Все будет хорошо.

Утолив свое любопытство и пролежав на кровати достаточное время, мне невыносимо захотелось двигаться. Но как это обыкновенно бывает после долгого сна, хочется еще без дела поваляться. Лень искусно приманивает своими уловками.

Я пролежал в кровати еще четверть часа.

Наконец, собравшись с силами, я встал, оделся, и дошел до стола с горем пополам.

В комнате было темно. Могло показаться, что ночь еще властвует над миром. Только пробивавшиеся лучики света сквозь ставни говорили обратное.

Вдруг дальняя дверь заскрипела. Я поднял голову и увидел старшего брата.

– Доброе утро, Сережа!

– Доброе утро, Еким Иваныч.

– Ну что, рассказывай, как спалось на новом месте? Как твоя нога? Кушать будешь? Мы как раз картошку с мясом отварили.

Как только я собрался отвечать на град вопросов, свалившихся на меня, в комнату пожаловал средний брат. Мы с ним поздоровались.

Все это время, пока он находился в комнате, на его лице красовалась счастливая улыбка ребенка. Я заметил даже, что

его щеки покраснели.

– Спалось хорошо, Еким Иваныч. У вас какая-то волшебная кровать. Ложишься на нее и засыпаешь сразу.

– Ну так!

– Только после ночи моя нога немного выросла. Вот, посмотрите.

– Так-так, – задумчиво сказал он, осматривая мою ногу. – Ничего, жить будешь! Здесь болит?.. А здесь? Хорошо! Петя!.. Принеси хлопцу свою настойку для суставов, или как там она именуется?

Средний брат мигом убежал туда, откуда пришел.

– Петр Иваныч неизвестным для меня образом научился делать разные настойки. Но ты не пугайся! Они хорошо помогают... Ладно, ты пока просыпайся, а я пойду посмотрю, чем там Вова занимается.

Он ушел в правую часть комнаты и скрылся из виду.

В это время прибежал средний брат с настойкой. Он очень долго рассказывал про ее целебные свойства.

Я услышал, как за дверьми соседней комнаты, прозвучал недовольный голос Еким Иваныча. Он что-то очень возмущенно рассказывал младшему брату, но делал это так, что не обращался лично к нему за поддержкой или сочувствием; он, как будто, просто хотел высказать свое недовольство перед чем-то сильно волновавшим его и не дающим покоя.

Шум из комнаты становился отчетливее. Дверь открылась, и я увидел немного красное, ворчливое лицо старшего

брата, который мутными, тупыми глазами, искоса смотрел на деревянный пол. Он вышел один и грозно, порывисто рывча горлом на кого-то, прошел мимо меня покачивая головой. Я расслышал, как он сквозь зубы сказал: «Ну нельзя же так»

Вид у него был внушительный и несколько смутил меня. Я не решился его беспокоить.

Средний брат, как будто не замечая его злобный вид, весело спросил:

– Что случилось?.. С печки азбука свалилась?

– Что? – спросил старший брат таким добродушным голосом, как будто только что он был совершенно спокоен и вполне счастлив.

– ... с печки азбука свалилась?

Старший махнул головой в знак того, что не расслышал и не понял сказанного. Теперь его глаза были похожи на глаза послушной собаки.

– Что случилось?

– Ничего не случилось! – раздраженно крикнул с другой комнаты младший брат.

– А что, спросить нельзя?

– Не надо так сразу: «Что случилось?» – язвительно перефразировал тот. – Не твоего ума дело!

– От, сразу грубить надо... – сдержанно ответил средний брат, желая не нарушать своего веселого настроения. Понятно было, что он направил все свои внутренние силы на то, чтобы не обратить внимание на это унижительное к нему об-

ращение.

– Ты нас извини, – обратился ко мне старший брат, – что мы при тебе себя так ведем.

– Ничего страшного, – сказал я искусственно-веселым голосом, стараясь не показывать своего стеснения.

Пока я растирал ногу, два брата носились из комнаты в комнату. Пустой стол пополнялся посудой, приборами и кушаньем. От настойки исходил отвратительный запах. Страшно подумать, из чего она была сделана!

Накрывая стол братья о чем-то спорили. Они прямо любил без умолку спорить на счет приготовления какого-либо блюда. Можно было бесконечно слушать их большую часть невинные споры о еде, которые только в редких случаях были очень шумными и неприятными.

Стол был накрыт. Из глубокой кастрюли исходил приятный и, в то же время, странный запах.

– Вова, иди кушать, все уже готово! – крикнул во все горло средний брат.

Дверь заскрипела. В комнату вошел младший брат. Он подошел ко мне, крепко пожал мою руку, сел на то же место, что и вчера, и радостно заговорил о каком-то второстепенном предмете. Могло показаться, слушая его, что никакого неприятного разговора со старшим братом у него не было. Но чувство не обманешь.

Все уселись по местам, и мы принялись кушать.

Я аккуратно заглянул в свою тарелку. Вперемешку с кар-

тошкой можно было различить морковку, следы масла, куски мяса, которые казались уже кем-то обгрызанными раньше, косточки, шкурки, слизь и подобную мерзость, которая плавала в жирной воде. Увидеть все это вместе разом было выше моих сил. В горле образовался ком, и есть совершенно перехотелось.

«И *это* они собираются есть? Отвратительно выглядит!» – думал я.

Не веря своим глазам, я посмотрел на трех старцев. Каждый из них аппетитно уплетал уготованную порцию. Один облизывал, причмокивая, косточку; другой разрывал зубами бедный кусочек мяса на части; третий, посербывая, пил жидкость из миски, называемой у них подливой. Мне, человеку привыкшему к вкусной городской пище, есть это казалось невозможным. Но еще более невозможным казалось мне то, что я откажусь и не поем это. Не помирать же с голоду в конце концов!

Я делал неискренний вид, когда выбирал и кушал только картошку. Скривив лицо в улыбке, я отвечал, что ихстряпня доставляет мне удовольствие. Такое кажущееся самопожертвование я совершал только из чувства уважения к старшим и того, что они меня приютили на несколько дней, пока моя нога не заживет. Чего уж тут скрывать?

Помимо невкусной еды меня отвращало еще кое-что. Запахи. Они особенно остро поразили мой нос только сейчас, во время еды.

От старшего брата исходил зловонный старческий запах; от среднего едкий и стойкий запах спиртовой настойки; только младший брат был снисходителен ко мне, и не издавал отличительного запаха. Я ел сквозь неопишное отвращение, через силу проглатывал картошку.

Вдруг входная дверь под давлением ветра резко затарабанила, как будто кто-то в нее постучал. Дядя Петя сухо оповестил об этом старшего брата.

– Сквозняк дернул дверь.

– Ты что-то говорил?

– Сквозняк дернул дверь.

– Что?

– Сквозняк дернул дверь.

– Сквозняк?

– Да.

– Что сквозняк?

– Дернул дверь.

– Ну так что теперь нам, танцевать?

– Ты чего кричишь? Все глухие что ли?.. А вдруг-то разбойники?

– Не мели.

Я насилу сдерживал себя, чтобы не улыбнуться.

Удивительно было заметить то, что раздражался при разговоре не средний брат, который по многу раз мог повторять одни и те же предложения, а старший. Он раздражался потому, что не мог услышать от среднего брата ничего, считая

причиною этому своего брата; и считал, что тот, вместо того, чтобы один раз сказать громко и понятно, как будто нарочно издевался и говорил с каждым разом все тише, когда он переспрашивал. Средний же делал так не из желания насмешки над недостатком брата. Он знал про свой собственный и боялся, что если он будет насмехаться с брата, то и тот, забыв про свою добродушность, будет упрекать его в забывчивости; а он этого боялся больше всего на свете. Средний брат повторял свои слова каждый раз все тише потому, что боялся еще того, что, если он будет громко кричать (а у него не получалось по-другому), младший брат будет кричать на него. Владимир Иванович был настолько пропитан ненавистью к среднему брату, что искал любой повод к тому, чтобы выплеснуть на него те кипящие помои, которые сознательно копил в себе долгое время.

Все это я замечал, видел и чувствовал.

После завтрака у меня возник вполне естественный, желающий незамедлительного решения, вопрос: «Что делать человеку с вывихнутой ногой, живя с незнакомыми людьми?»

Природа, весна, молодость, – все это соединяясь вместе отвечает на этот вопрос. Нужно только наслаждаться, соединяться, благодарить и молчать...

Я сидел на табурете на улице, возле двери. Передо мной открывался широкий огород, со всех сторон огражденный забором из живых деревьев, стоящий то тут, то там. Слева деревья и справа деревья; позади дома много кустов ежеви-

ки, и чуть дальше от них были старые добрые деревья.

Чудеса! Сам дом и огород находились на просторной, хорошо прогреваемой солнцем в середине дня, местности. Но это не была опушка. Казалось, что изба вместе с огородом просто так взяла и выросла посреди леса!

Место здесь было хорошее! Растения не страдали от недостатка солнечного тепла и воды. Так же как и люди не страдали от нехватки свежего воздуха и физического труда.

Часом мне приходилось замечать, как старики и старухи от скучной и угрюмой городской жизни, в далеке от природы, заводят перед окнами своих многоэтажных домов клумбы, реже огороды. Занимаясь этими делами они создают иллюзию того, что от этой работы им становится лучше. В сущности же они несчастны.

На табурете я сидел и чувствовал себя так, как только может чувствовать себя страж порядка на посту. В действительности я скорее походил на вешалку для одежды, которая бесполезна в это время года.

Я сидел неподвижно и наблюдал.

Часом меня посещали воодушевляющие мысли. Одна из таких мыслей неожиданно подействовала на меня. Я осознал, что дом трех старцев находится в лесу! «Да ведь я только недавно думал о том, чтобы поселиться в лесу!.. Вот и получил что хотел! Удивительно!.. Я живу в лесу...»

Я начал внимательно изучать, как проходит жизнь трех старцев. Чем они занимаются, что делают и что будут делать.

Как они здесь живут?

В первую очередь я начал наблюдать за Еким Иванычем. Он с важным лицом ходил по огороду с лопатой и граблями в одной руке. Кое-где он останавливался, брал лопату, бодро размахивал ею, а потом шел дальше. Несколько раз он останавливался в разных местах и делал одни и те же действия. Потом он стал на одном месте и долго не сходил с него, копая. Иногда, прекращая копать, он осматривал местность, точно взвешивая что-то.

Неожиданно для меня, по всему огороду раздался оглушительный крик дяди Пети. Я дернулся, повернул голову в его сторону, и посмотрел на него враждебно.

– Нужно покосить траву возле дома.

– Зачем? – не прекращая копать сказал старший брат.

– Ну как зачем? Чтобы красиво было.

– Да кому оно надо, это красиво? У нас огород, работы невпроворот, а ты со своей травой. Я аж стихами заговорил.

– Нет... Ну я все-таки пойду покошу.

– Ну и иди, я не пойду!

– Если ее не убрать, она будет мешать.

– Никому она не мешает! – начал кричать старший брат. – Делай это сам, раз тебе хочется, я тебе помогать не буду. И точка!

– От ты грубый! Страшное дело!.. Это вообще...

– Ну не нужно это делать. Не нужно!

– Там уже сорняки растут. Что ты будешь делать, когда

они разрастутся? Правильно, меня посылать все выпалывать.

– Петя! Сегодняшний день весь год кормить будет! Пойми это. Нужно много посадить. А ты со своей травой. На кой черт она тебе нужна?

– Нужна... нужна!

– Что ты ее будешь зимой вместо хлеба есть?

– Может и буду!

– Нет, ну честное слово, ты порой ведешь себя не как взрослый мужчина, а как разбалованный мальчуган!.. Ну что это такое?.. Не надо так. Не надо!..

– А ты как...

– Не надо! – криком перебил Еким Иваныч.

– А ты как себя...

– Не надо я тебе говорю!.. Кончай!

– А ты как себя ведешь?

Старший брат ничего не ответил. Он понял, что тягаться с дядей Петей ему не под силу. Он сдался для своего спокойствия.

Эта на первый взгляд невзрачная словесная перепалка братьев, эта вспыльчивость, присущая ребятишкам, до того казалась невинной, что невольно развеселила меня.

Средний брат победоносно поднял голову, но продолжал стоять в нерешительности. Ох уж эти сорняки возле дома! Как они мучали его душеньку... Он простоял несколько минут без дела, пронизывая взглядом брата. Высказав ему мысленное недовольство он вздохнул, подошел ко мне, поставил

тяпку и вошел в избу.

Вышел он из нее с яблоком в руке.

Средний брат несколько раз на день приносил мне яблоко. Я кротко благодарил его, но отказывался. Со временем я стал замечать, что он и сам их не ест. Только одно, да и то с утра. Сразу задается вопрос: почему предлагает, а сам не ест? Может быть, он просто щедрый человек?

Как я узнал после, понаблюдав за поведением среднего брата, он не ест потому, что ему запрещает Еким Иваныч. Он запрещает брату есть больше одного яблока в день. Видимо тот предлагая мне яблоко надеется на то, что я поделюсь с ним. Ведь гостю можно есть яблок столько, сколько он пожелает. Хитрый план!

Я решил проверить, верны ли мои догадки. Я стал ожидать, когда мне предложат яблоко. Не прошло и получаса, как ко мне приходит средний брат с красивым красно-зеленым яблоком, и сует мне его прямо в лицо. На его удивление, я впервые соглашаюсь и беру яблоко, но не предлагаю ему сразу. Выжидаю. Дядя Петя с грустными глазами поворачивается и уходит. Я ему вслед, как бы ненароком, задаю вопрос:

– Может вы яблочко будете?

Ответ последовал не сразу. Видимо у него происходила серьезная внутренняя работа. Он понимал, что хитрит; понимал, что нарушит правило старшего брата и пойдет наперекор его слову. Он боялся его и любил. Выходило что-

то среднее, что обычно называют уважением. Но искушение было сильно. Противиться ему было невыносимо, и Петр Иваныч пал.

– А можно половинку?

– Конечно можно! – радостно расхохотался я.

Что может быть лучше этого: безмятежно жуешь хрустящее яблоко, неподвижно развалившись на стуле, ничего не делаешь, просто наслаждаешься природой, ее живой музыкой, чувствуя на себе теплоту солнца?

То здесь, то там слышится пение птиц. У одних оно схоже на обрывистый скрип качели; другие поют так, словно возле уха просвистела пуля, но звук этот не быстр, наоборот, он как бы сдавлен и замедлен, приятен уху; еще слышится щебетание быстрое, такое, как может исходить от пианино, но только звучит оно по-настоящему, звуки эти пропитаны старанием живого существа. На фоне этого как будто слаженного представления, где-то вдалеке издавались более отличительные крики каких-то птиц. Впервые услышав их, слух противится и сопротивляется, – хочет изъять это пение. Но чем оно издавалось чаще, тем становилось понятнее, что это маленькое создание больше меня чувствует всю гармонию музыки других пташек.

Стоит отдать должное этим крылатым созданиям.

Все они ликут так, словно делают это для самой природы, последний раз благодарят за все. Видимо поэтому их пение так манит, чарует, вдохновляет, окрыляет людей... Та-

ков голос природы!

Когда еще можно было заметить это, как не сейчас?

Я мог только мечтать о том, чтобы жить в лесу. Меня переполняло счастье. Приятный трепет волною окатил мое тело. Я забыл обо всем на свете и наслаждался...

Меня переполняла жизненная сила, которая жадно искала освобождения.

Я настолько соединился со своею мечтою, что совсем забыл о том, что родители не знают о моем исчезновении. Я им обещал вернуться сегодня-завтра, но понимал, что приду не раньше, чем через неделю.

Нужно было оповестить их.

Поделившись своими опасениями с братьями, я сел за стол и взялся за написание письма. Дядя Петя поручился отнести его на почту. Вот что у меня получилось:

Дорогие родители!

Прошу вас заранее не волноваться! По дороге домой, я послушался вас и решил пройти через лес. В темноте ночи я упал с горки и вывихнул ногу. На мое счастье в лесу был домик. Мне разрешили пожить у себя три хороших старичка. Я вам о них позже расскажу, как вернусь. Они такие забавные... Я что, когда стану стариком, буду таким же смешным и ворчливым?

Что касательно ноги, то она болит не сильно, терпимо. Петр Иванович дал мне настойку, и она облегчила мои стра-

дания. В общем, у меня все хорошо! Как смогу ходить, так сразу домой. Думаю, через несколько дней увидимся! Перед уходом я еще раз напишу. Я уже соскучился. Целую и люблю.

Ваш сын Сережа

Конверта у старцев не оказалось, поэтому я написал адрес с тыльной стороны листа, и отдал письмо прямо в руки среднему брату. Он ушел, а я снова уселся на свое место и продолжил наблюдение.

Старший брат копался в земле с правой стороны огорода. Он сажал лук. Я слышал, как он все кряхтел и повторял одни и те же слова: «Тудыть его корень» Он на кого-то возмущался и был чем-то недоволен.

За весь день моих наблюдений я могу смело заявить: сделал он за сегодня не человеческую, прямо титаническую для своего возраста работу, ни разу не вздохнув. В уме я подсчитывал дела, которые он выполнил. Пока я этим занимался, старший брат подошел ко мне, весь запыханный и уставший, и сказал:

– Фух!.. Никогда в жизни так не работал, как сегодня. Уморился ужас! Самое интересное то, что практически ничего не сделано. Работы еще очень много. Эх... горе, горе...

После этих слов он живо направился в избу с грустным и уставшим лицом.

Наступил вечер.

Чувствовалось, что день подходит к концу. Ставни окон были заперты, на столе горела свеча.

Средний брат вернулся из села с хорошими вестями. Письмо было отправлено.

Я лежал на кровати, отдыхая сам не зная от чего. День показался мне продолжительным. Нога начала поднывать, но я не обращал на нее особого внимания. Я лежал на кровати, наслаждаясь тихой, даже какой-то умиротворенной обстановкой, так не свойственной этому месту. В комнату вошел средний брат и, посмотрев на меня, добродушно заговорил.

– Может ты в нашу комнату лучше пойдешь отдыхать?

– А почему лучше? – удивленно спросил я.

– Ну просто... Мы тут ходим туда-сюда, а там бы ты спокойно отдохнул. Хотя, собственно, мы и там ходим.

После этих слов он ушел. Я, в свою очередь, несколько не удивился этому происшествию, сразу позабыв о нем, и принялся дальше впитывать в себя облагораживающую тишину.

Тем временем средний брат пошел закрывать двери на все замки. Справившись, он снова подошел ко мне.

– Ты будешь салат кушать?

– Буду.

И он ушел в другую комнату. Постояв в ней некоторое время неподвижно, он вернулся обратно и подошел к старшему брату, который сидел у свечи с зеркалом, и с серьезным лицом рассматривал себя.

– От у меня рожа противная.

– У тебя? – спросил дядя Петя каким-то радостным голо-
сом.

– Да... такая нахальная!

Старший брат поглаживал бороду, поднимал и опускал брови, выпячивая при этом глаза, как будто хотел напугать самого себя, крутил головой и корчил другие рожицы перед зеркалом. Наблюдать за ним было очень смешно.

– Еким, – тихо, почти шепотом сказал средний брат, – приготовь Сереже салат.

Я не мог сообразить, почему дядя Петя предлагает мне поесть, а говорит приготовить все старшему брату.

– Хорошо!

Старший брат покорно ушел. Он привык не иметь своей воли. Сначала он вошел в комнату младшего брата. Я его не видел практически весь день. Мне хотелось познакомиться с ним ближе. От среднего брата я узнал, что Владимир Иванович много читает.

Из комнаты слышался единственный голос старшего брата. Он задавал уйму вопросов, делился новостями, впечатлениями, жалобами. От младшего брата слышались короткие и сухие ответы, чаще он отвечал только «да» или «нет». Разговор между братьями не задавался. Я чувствовал, что Еким Иванович хочет всю душу открыть брату, дает ему ключ от своего сердца, но тот отказывается его принимать. Почему? Я не знал... Мне стало жалко огромного и доброго

старика.

Через некоторое время было подано кушать.

Я набросился на салат как голодный волк, и съел все до крошки. Я ел с такой жадностью, что у меня не возникло даже мысли предложить кому-то.

– Спасибо, было очень вкусно.

– Хороший салат? – спросил старший брат.

– Отличный!

– Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку, – вмешался средний брат.

– Вот если бы ты сделал этот салат, – самодовольно заговорил Еким Иваныч, – он был бы только хороший. А у меня он отличный!

Так как я поел быстрее других, то мне осталось только одно, – ждать, заглядывая в рот другим. Мне предлагали еще добавки, но я отказывался.

Наступило время десерта. Поставили самовар, расставили кружки. Всем дали по пять сахарков и две сушки. Все ели с удовольствием. Никто не разговаривал.

Старший брат взял кусочек сахару и начал беспрерывно чмокать ртом. За раз или два можно было ему простить. Но он делал этот звук не останавливаясь! Он чмокал и чмокал, словно издевался. После каждого раза я думал, что он прекратит; а он, вместо этого, начинал с новой энергией. От этого раздражение увеличивалось. Во мне поднималась давно утихшая буря. Я не знал, что с собой поделаться. Я не мог про-

тивиться этому нехорошему чувству. Уж слишком оно было внезапным. Оно прямо застало меня врасплох.

– Я бы тебе запретил есть сладкое, – сказал младший брат.

– Почему?

– Ты ешь этот сахарок и причмокиваешь так, что тебя за сто километров слышно.

– Серьезно? – удивленно спросил Еким Иваныч.

– Да.

– Ну простите... А я и не замечал за собой. Ведь зубов то уже нет.

Я посчитал это остроумное замечание младшего брата за снисхождение Божие. Я не мог сообразить, почему обычные звуки, исходящие от этого доброго человека, вызывали во мне такое негодование. Я хорошенько призадумался.

После ужина я вернулся на свое укромное местечко на кровати и стал рассуждать. Я думал не только об этом случае, но и о себе, о своей жизни в целом. Не часто удается живя в городе, в этом бурлящем и кипящем потоке жизни, так сосредоточенно подумать о своей собственной судьбе и заглянуть в себя. Я погрузился в мир дум и грез.

Вдруг на мои ноги что-то упало. Это вывело меня из легкой дремоты. Старший брат приносил постельное белье. Сначала он принес подушку и положил мне ее на ноги.

– Да ладно вам, Еким Иваныч. Я сам все притащу.

Он ничего не ответил. Только улыбнулся. Но улыбнулся так, как улыбается маленький ребенок, делая какую-то ша-

лость.

Потом старший брат притащил простынь. Его улыбка еще больше растянулась, а глаза заблестели. Он кинул ее мне на живот.

– И не двигайся! – сказал серьезным голосом он. Но счастливое лицо придавало этим словам столько доброты и нежности, что я по собственной воле не желал бы двинуться ни на метр.

Последний, третий раз, он пришел с одеялом. Он кинул его прямо на меня, и укрыл полностью. Только нос торчал из-под него. Я посмотрел на веселое лицо Еким Иваныча и меня посетило чувство, какое может испытать человек, вдруг увидевший, как в фонтане вместо воды начал рекой идти шоколад. Удивительно и необычно! Несколько мгновений я не мог прийти в себя; но все же и не мог не улыбнуться глазами.

– Как при царском режиме... Не дышать!

В его голосе, словах, движениях, улыбке, было столько чисто отцовского чувства, что я стал невыразимо счастлив. Я с изумлением и любовью смотрел на этого большого человека.

Перед сном я почему-то задумался о бабушке. «Как она там одна живет со всем справляясь? Три старика живя вместе ничего не поспевают, а она одна, да еще женщина. Буду к ней чаще наведываться, помогать. Она наверно за водой сама ходит, кушать готовит, убирает, стирает, а еще огород у нее. И никто не поможет!.. Страшное дело!..»

Мне захотелось прямо сейчас вскочить и побежать к ней, забежать в избу, упасть в ноги и попросить прощения за все. Эта мысль вызвала у меня умиление, а чувства, последовавшие за ней, – слезы.

Мне так было хорошо здесь!

«Я так люблю тебя... жизнь! Я всех люблю: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и собаку, и лошадь, и травку... Я все на свете люблю!.. Как же хочется всего себя, всю жизнь свою отдать на то, чтобы всем было счастливо»

Мне вспомнилось, как бабушка в детстве садила меня на колени и рассказывала разные сказки и басни. А потом учила меня таким христианским добродетелям, как кротость, смирение, самопожертвование и, конечно, учила меня главной заповеди, чтобы я любил Бога и ближнего.

Она всегда твердила мне одни и те же слова: «Пойми главное, внучек, у тебя нет ничего своего: все что твое, это все Божие, а значит не твое. Так же и не думай, что жизнь принадлежит тебе. Нет! Она дана тебе Богом, и потому также принадлежит Ему. Ведь сказано в Евангелии, что мы лишь работники в хозяйском саду. И я верю этому, потому что эти слова подтверждает мое сердце! Когда я считаю свое не своим, мне сразу легче на душе, счастливее... Поэтому нужно работать и делать дело жизни. А дело это – служение... Служение всем людям. Вот так вот. Постарайся понять это»

Я слушал, слушал, и что-то понимал, а что-то нет. Но те чувства, которые она вызывала у меня своим добродушной-

шим рассуждением, я считал самыми важными в своей жизни.

VI

День 2-й

Случается в жизни, что ложишься спать с мечтательными, воодушевляющими, ободряющими мыслями, а просыпаешься с пустой головой. Вот именно таким я проснулся. Я был разбитым, ничего не хотелось. Жизнь потеряла свои прежние яркие краски и стала серой. Я чувствовал, что был даже холодным, сухим и грубым. Мне хотелось хамить... Как жалко, что поблизости не было веселого человека, я бы ему задал!

Меня словно подменили...

Куда подевалось вчерашнее состояние? Что с ним сотворила ночь? Она как будто пропитала все мое существо тьмою. Окутала меня словно повилика, и крепко прижала к себе, как мать прижимает дитя в случае опасности. От меня смердело злорадством.

После того, как я заметил за собой осуждение и недовольство, и заметил, что испытываю при этом гордость, я признал свое состояние за болезненное, даже опасное.

Я вынес приговор сам себе. Я осудил все существо свое. Под гнет моего обвинения попадало все без разбору, как хорошее, что есть во мне, так и плохое. Я не разобрался, что

нужно наказывать, а что помиривать. Поэтому, после обвинительного приговора мне стало еще дурнее. Порой человек много думая, может заблудиться в собственных рассуждениях, может ранить собственную душу. Мысль задевает чувство, а возмущенное чувство задевает все существо наше.

Мне нужно было немедленно прийти в себя. Как пьяному человеку нужен сон, для того, чтобы прийти в сознание, так мне требовалось уединение и тишина для того, чтобы снова любить.

«Как найти уединение среди людей? Закрыться в себе, перестать разговаривать, уйти прочь, скрыться?» – эти и другие вопросы посещали меня.

«Но я не могу сбежать. Нога еще болит»

«Стоп! – подумал я через некоторое время. – Что я такое говорю?.. Почему я раздраженный? Должна же быть причина. Если меня посетило это состояние, значит этому что-то послужило. Но что? Зачем оно меня посетило? Ведь все было хорошо... Ну ладно!.. будем разбираться»

Я начал крутиться из стороны в сторону. Мне стало жарко. Я отбросил одеяло. Стало холодно. Я его опять натянул, только оставил ногу открытой. Стало холодно ноге, но жарко телу. Чем больше я двигался, тем мне становилось жарче и несноснее. Внутри творилось такое же неопределенное состояние. Хотелось что-то делать, и вместе с этим не хотелось ничего. Хотелось закричать во все горло, и хотелось замолчать вовек.

«Да что это твориться со мной, в конце та концов!»

Я начал снова думать.

«Хорошо, посмотрю на *это* с другой стороны... Мне сейчас нехорошо. Я пытаюсь найти причину этому, но понимаю, что ее нет. Но по сути, ведь все хорошо у меня. Все живы-здоровы. Я сам жив-здоров... А что, если не думать о себе?»

Эта мысль возникла так внезапно и поразила все существо мое, что я на мгновение застыл в оцепенении. Увидеть меня сейчас в этом положении, было бы страшное и одновременно странное зрелище. Я был похож на труп; но сердце мое билось как никогда. Я был бледен, но в глазах сверкали краски жизни. В груди у меня жгло, как в печи. Эта простая мысль была для меня светом. Она показалась до такой степени обычной, что я удивился тому, почему она не возникала у меня раньше.

Я задумался о других людях...

Сначала я вспомнил о родителях, о бабушке. Потом начал думать о друзьях и знакомых. Чем больше я думал о других людях, чем больше вспоминал о них что-то хорошее, тем мне становилось лучше. Я совершенно забыл о себе. Я думал о других людях, и меня как будто не существовало вовсе. Я на мгновение представил, что я – это не я, а мои родители, друзья, знакомые, все люди. Я чувствовал жизнь в каждом человеческом существе. Но чувствовал эту жизнь не как отдельную от моей, а как одну единственную общую жизнь всех

людей.

Но вдруг я вспомнил о себе. Искушение и зло, показавшие свое мерзкое обличие, не собирались сдаваться, не хотели без боя отдавать меня в руки добра. Мне стало хуже... Все, что хорошее я почувствовал, начинало осыпаться, как старая штукатурка. Я испугался, что потеряю это блаженное состояние, и потому сразу, как дикий зверь, мысленно вцепился когтями за жизни других людей и снова ожил, окрылился; мне стало счастливо. Я стал прикидывать, почему так, но не мог найти ответ. Да он мне и не нужен был. Я начал думать о других, и мне было хорошо. Больше ничего и не нужно.

«Мне ничего не нужно» – счастливо заключил я, глубоко вдохнув.

Я проснулся рано, но встал с кровати только тогда, когда услышал разговоры в другой комнате. К моему удивлению я услышал голос младшего брата.

– Я вам сказал, что помогать с огородом вам не буду! Вы еще хотите три сотки засадить. Ведь вам уже не по тридцать лет, и даже не по пятьдесят, а по семьдесят-восемьдесят.

– А что делать то, не с голоду помирать же? – сказал старший брат.

– Зачем с голоду сразу? Засадите все чесноком. В городе он дорогой нынче. Засадите все, и ходите продавать его, вот вам и заработок. За ним следить не нужно, ухаживать тоже. Вот вам и решение.

– Ну не знаю... – недоверчиво сказал Еким Иванович.

– Вот что бы вы делали, если бы меня не было? Как бы вы работали сами?

– Ты что хочешь, чтобы мы тебя похвалили? – вмешался средний брат.

– Да не в этом дело, я не для этого сказал...

– Хочешь-хочешь, я-то вижу!

– Не суди по себе! Если ты хочешь, чтобы тебя все хвалили и жалели, то это не значит, что все такие же.

После этих слов старший брат начал ни с того ни с чего кричать на среднего:

– Ну ладно, не трогай ты его! Оставь!..

– Ты чего набросился на меня? Ты ведь ничего не слышал.

– Ничего не надо! – закричал старший брат еще громче. –

Не надо я тебе говорю.

– Ты чего набросился на него? – спокойно сказал младший брат.

Еким Иваныч ничего не ответил, только издал свой особый звук горлом.

– Действительно! Ведь ничего не слышит и кричит. А так всегда, и ты меня винишь во всем, а не его.

– Ну ладно... Я вам вообще говорил о том, на что вы рассчитывали, собираясь сажать в этом году? Ведь вы уже не молодые.

– Да знаю я... – досадно начал Петр Иваныч. – Но разве ему докажешь? Ведь он хозяин, и он решает что и как, а меня

совсем не слушает, и еще кричит, потому что не слышит, что я ему говорю. Эх!.. Бедный я человек, бедный... И никто меня не пожалеет, старика.

– Ладно, я все сказал. Если будете продолжать сажать, помощи от меня не ждите.

Младший брат зашел в мою комнату. Все это время я сидел за столом, в ожидании. Он поздоровался со мной и через всю комнату пошел к дальней двери. В этот самый момент в комнату вбежал средний брат, догнал Владимира Иваныча и тихо заговорил к нему:

– Спасибо, что хоть раз заступился за меня.

– Я не за тебя заступился, а за правду; а правда в том, что он не слышал, и несправедливо начал кричать на тебя. Так что не думай там лишнего себе...

– Ведь всегда я виноват, а он весь такой хороший!

– Так, все, хватит! Начинаешь...

– Но ведь правда. Ты скажи ему, что сейчас дождь будет, чтобы он в лес по дрова не шел, а то не дай Бог что.

– Если хочет пусть идет. – коротко заключил Владимир Иваныч, желая поскорее вернуться к своим делам.

– Какой? Куда? Ты пойми, возраст ведь не тот уже, ему нельзя, а то кто знает, что может случиться.

– Я ничего ему говорить не собираюсь. Хочет – пусть идет, хоть отдохнет от всех нас. В особенности от тебя, – сказал младший брат, и с довольной улыбкой на лице, которая может возникнуть у человека, сделавшего хорошее дело,

скрылся за дверью.

– Прекращай глупости говорить. Я тогда с ним пойду.

Дядя Петя стремглав побежал обратно к старшему брату и радостно, точно ребенок, поделился с ним новостью. Все это время он не замечал меня, и не обращал никакого внимания в мою сторону. Я же считал не уместным его отвлекать.

– Ну что ж, раз хочешь, – смиренно сказал старший брат. – Только чтобы никакого шума.

– Здравствуй, Маша, я Дубровский! Когда это я шумел?

– Когда-когда? Да постоянно! – сказал Еким Иваныч и засмеялся.

– Сережа, я что, постоянно шумлю?

Петр Иваныч так внезапно обратился ко мне, что я не сразу сообразил, к кому он заговорил.

Дверь была открыта, и я сидел как раз напротив братьев. Все-таки он видел меня с самого начала, но скорее-всего не посчитал нужным посмотреть в мою сторону. Его волновали более важные дела.

Я не знал, что ему ответить. Хотелось сказать обидную правду, но было жаль этого старика. Я издал какой-то звук и развел руками.

– Да не трогай ты хлопча, что ты вечно его трогаешь. Дай ему хоть проснуться, Петя.

– Я его не трогаю. Сережа, я тебя трогаю?

– Петя, прекращай!

Старший брат ушел. Дядя Петя подошел к столу и тихо

заговорил ко мне, поглядывая в открытую дверь.

– Ой, представь, как схватило меня ночью, вообще...

– Что случилось? – напугано спросил я.

– Та спина заболела. То там болит, то здесь. Всю ночь не спал. И чего болит? Не понятно. Ведь все было хорошо, а потом как схватило год назад, так до сих пор не отпускает.

Средний брат долго жаловался на свою судьбу. Я молчаливо слушал его, иногда поддерживал и жалел.

– Знаешь, что я заметил? – неожиданно прервал он свое неоконченное рассуждение. – Человек в молодом возрасте, почему-то, больше знает зла, чем добра. Но ты почему-то не такой...

Я его поблагодарил, но мне было неловко и неприятно слушать от него похвалу. Возможно мне было неловко потому, что меня поставили выше других людей; а неприятно, потому что я сам недавно думал плохо о людях, и мне было совестно.

Движение в доме набирало обороты. Братья готовились выходить. Но как это обычно случается перед важным делом, к которому заранее приготавливаешься, появляются неотложные дела, требующие немедленного вмешательства. Что-то постоянно оттягивало их намеренье поскорее уйти. Нужно было сделать и то, и другое, а время как будто нарочно шло быстрее, точно глумилось над ними.

Я сидел все на том же месте и наблюдал за всем происходящим. Старший брат что-то начал возиться у стола.

– Что ты за семена замочил? – спросил средний брат.

– Что?

– Что ты за семена замочил?

– Чего?

– Что ты за семена замочил?

– А! Это кабачки и помидоры. А что такое?

Как происходили подобные разговоры, читатель уже может себе представить.

– Ничего, просто так спросил. А что, нельзя?

– Что значит просто так? Ты давай собирайся... стоишь.

Но средний брат не сдвинулся с места. Он начал улыбаться и смотреть мне прямо в лицо. Улыбался он одним ртом, как улыбаются уставшие люди. Глаза его не выражали ничего, кроме тоски и печали. Эти два стеклянных шарика зеленовато-мутного цвета смотрели на меня без всякого чувства. Они не выражали ничего. В них как будто приостановилась жизнь.

Я постоянно чувствовал на себе этот взгляд среднего брата. Если по началу я поворачивал голову в его сторону, улыбался ему в ответ и заводил беседу, то сейчас мне было неловко. Я нарочно сделал серьезное лицо и не оборачивался. Я боялся спугнуть свое счастливое настроение.

У среднего брата неизвестным способом получалось выводить из равновесия любого здравомыслящего человека. Против его «чар» был защищен либо человек черствый, лишенный способности проявлять чувства, либо животное, ли-

бо святой. Я не принадлежал ни к одной из этих категорий.

На протяжении этих нескольких дней, я больше всего любил наблюдать за средним братом. Он помимо своих обязанностей по дому успевал докучать всему живому. Он просто осыпал старшего и младшего брата немислимыми вопросами и замечаниями. Он как холодный ветер во время непогоды, невольно отталкивал от себя и заставлял жаловаться любого прохожего. От него хотелось поскорее сбежать, спрятаться в укромном уголке, где тепло и уютно. Но даже там он будет напоминать о себе некоторое время.

После нескольких его выходов, он заслуженно получал порцию превосходного месива, которое состояло преимущественно из ругательств и криков. Удивительно было заметить то, что он не понимал, почему на него кричат. На слова старшего брата он возмущался; на крики младшего он сердито отвечал: «Чокнулся что ли?»

К несчастью мне довелось услышать однажды, как старший брат не выдержал и сказал: «Да заткнись ты, заткнись!» Он криком, несколько отчаянно приказывал брату замолчать. Услышать нечто подобное от него было чем-то невероятным и невозможным. Я испытал тогда чувства схожие с теми, которые могли испытать люди древности, узнав, что земля имеет форму шара, а не диска.

Только что-то очень сильное, потрясающее до глубины души, может вывести из себя человека доброго.

Собственная отравленная душа среднего брата не давала

ему покоя. В своих несчастьях и бедах, в своих телесных и душевных страданиях он невольно считал виноватыми других людей. Почему так? Потому что слишком непосильный труд для слабых людей, признать причину своих собственных бедствий себя самого. Шаткая самооценка тогда совсем повалится. А если вся жизнь внутренняя построена только на самолюбии, то что останется, когда оно пропадет?

Старший брат закончил свои небольшие дела с семенами, отдал некоторые распоряжения младшему брату, рассказал мне, что есть покушать, и вышел из дому. Средний брат во всю силу звал Еким Иваныча, жаловался мне на него, говорил неразборчиво о разных вещах, бегал из стороны в сторону и никак не мог уйти. Минут через пять в дверях показалась огромная фигура старшего брата, освещенная солнцем. Он выглядел очень величественно с топором в руках и сумкой на плече.

– Петр Иваныч! Сколько прикажете вас еще ждать?

– Да иду я, иду...

Петр Иваныч собрался и взволнованно подбежал к брату. Остановившись прямо перед ним, на пороге, он неподвижно стал смотреть себе под ноги, как будто соображая, его это ноги или нет.

– Ты печку проверил? – резко сказал он.

– Кого?

– Ты печку проверил?

– Что? Что ты хочешь? – с криком сказал старший брат.

– Та ну тебя!..

– Что ты говоришь?

После того, как дядя Петя вернулся в дом, сходил в одну комнату, потом в другую и вернулся туда, откуда пришел, старший брат недовольно сказал:

– О, Господи! Проверил я все, проверил, пошли.

Братья закрыли дверь и ушли.

В доме воцарилась небывалая до сих пор тишина. Стало так тихо, что я сразу обратил внимание на то, как бьется мое сердце. Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул. На душе снова стало легко и радостно.

За все время, которое я здесь нахожусь, мой глаз привык к темноте. Но сейчас, чувствуя себя более свободно, я пустил свет в комнату, открыв ставни. Только я сделал это, так меня сразу поразило насколько здесь было до ужаса грязно.

Не теряя времени, я решил выдраить самые грязные уголки этого дома. Убирая, я неустанно думал о старцах, об их тяжелой жизни. Я умышленно находил самые грязные места и радовался тому, что вычищал их. Некоторые места были очень запущенными: видно было, что здесь давно не убирали. «Не хватает здесь женской руки. Ну что же, побуду я за нее» – весело думал я, отдирая приросший мох от сырой деляшки.

Я настолько увлекся работой, что не замечал ничего, что происходило вокруг меня. Время как будто никогда и не существовало. Казалось, что я попал в какой-то сказочный сон.

Я никогда не испытывал такой радости, вытирая грязь и другие зловонные мерзости. Я не мог остановиться, мне хотелось еще и еще что-то вычистить.

Из такого, казалось, вечного сновидения меня вывел резкий хлопок. Я обернулся и увидел позади себя младшего брата. Он недовольно смотрел по сторонам, точно отыскивая что-то. Посмотрев на меня, он не сразу переменял выражение лица. Видимо он соображал, чем я занят. Как только он нашел ответ, его лицо сразу переменялось и губы скривились в довольной улыбке.

– Ты только зря время тратишь, – насмешливо сказал он.

– Почему? – спросил я машинально, еще не понимая, о чем идет речь.

– Потому что никто не заметит, что ты поубирал. Им на это наплевать. Мне доводилось несколько раз делать что-то для них. Братья ничего не ценят и не замечают. Твой труд будет потрачен впустую... Куда он ее спрятал?

– Кого? – все также бессознательно продолжал я.

– Водку.

– А вы что, пьете? – удивленно, с некоторой наивностью в голосе спросил я.

– Бывает иногда, – сказал младший брат и пожал плечами, которые как будто говорили: «ну, пью, и что с того?»

Он искал везде, по всем закоулкам; искал водку быстро и нервно, что-то без умолку бурча под нос. Было видно его раздражение.

– Ну точно с собой унес!

– Кто? – все с той же наивностью в голосе говорил я, нервно наблюдая за Владимиром Ивановичем.

– Еким... Едреный лапоть!.. От старый черт, точно унес!.. Ладно. Поищу в кладовке, может там есть...

Младший брат ушел в другую комнату. Я краем уха слышал его шушуканье и наговоры на брата.

– Ха-ха! – закричал он во все горло. – Нашел ее, нашел!.. От хитрый жук, в карман куртки спрятал. Ха-ха!.. От меня не спрячешь.

Я не знал, что ему ответить. Я испытывал невольное уважение к этому человеку, и закрыв глаза на то, что с отвращением смотрю на алкоголь, радостно крикнул:

– Ура! Я рад за вас.

Я испугался собственных слов. «Я только что обрадовался тому, что человек будет одурманиваться? Господи, что я сказал?» – испуганно спросил я сам себя.

Младший брат подошел ко мне с довольным лицом, держа открыто бутылку в руке.

– Да брось ты это пустое дело. Пойдем я тебе покажу, чем я занимаюсь все время.

Мы зашли в его комнату. В ней было очень светло. Все было заставлено посудой и книгами. На полу было много мусора и инструментов; кое-где валялась макулатура, служащая либо опорой, либо подставкой. В комнате было очень грязно.

– Как вы тут умудряетесь что-то отыскать в этом беспорядке?

рядке? – спрашивал я, жадно рассматривая все вокруг.

– Гению беспорядок не страшен.

– Скромный вы, однако, человек, – радостно заметил я.

– А то! Все что нужно знать образованному человеку – я знаю. Отвечу на любой вопрос. Задавай!.. Нет ничего такого, чтобы я не знал.

– А что это у вас такое?

Я взял какой-то скрюченный предмет с оттопыренными в стороны крыльями.

– Вожусь с этим делом уже вторую неделю. Ничего не выходит. Это ангел... Я занимаюсь гончарным делом, иногда леплю статуи и рисую.

– О! Это очень интересно.

Младший брат поставил водку и стал показывать мне свои работы. Мы начали осмотр с самых больших его работ. Потом перешли на картины и, наконец, на посуду. Как бы не казались величественными и красивыми его скульптуры и картины, все они померкли перед его посудой. Она была так проста и хороша собой, рисунок на ней казался мне настоящим, не вычурным, как на тех картинах, и передавал чувства младшего брата. Я был особенно щедр на похвалу только тогда, когда рассматривал расписанные тарелки и чашки.

Я считал самым благоразумным человеком в этом доме старшего брата; но он плохо слышал. Приходилось кричать и надирать горло. Со средним братом можно было побеседовать разве что о бабочках и цветочках. Разговаривая на дру-

гие темы, он начинал зевать. Поэтому общение с младшим братом мне понравилось больше всего.

Я так же замечал, что он веселел со мной.

Мне отчего-то невыносимо захотелось поделиться своими переживаниями с младшим братом. Мне захотелось похвалить его братьев.

– Я вчера весь день наблюдал за Еким Иванычем. Он такой молодец! Такой пожилой, а сколько работы переделал! Настоящий богатырь!.. А еще я заметил, что ваш старший брат помимо того, что силен и вынослив, еще очень хороший и добрый человек.

Все это я говорил радостно и взволнованно, с приятным трепетом внутри.

– Ты вот сказал о брате, и мне сразу в голову пришел один случай, тридцатилетней давности... Как-то раз я пришел с женой к нему в гости. Я тогда еще жил отдельно и свободно... Привел я ее значит, и попросил подождать меня. Я уже не помню, зачем мне нужно было уйти... После, через час где-то, я возвращаюсь сюда, и не доходя до двери слышу крики Екима. Забегаю я значит в дом и вижу, как моя жена прячется за перевёрнутым столом, вся согнутая, с испуганными глазами, а Еким закидывает ее картошкой. Я тогда озверел. Я ему сказал, что больше не желаю его видеть...

– А зачем он бросался в вашу жену картошкой?

– Я не знаю... А когда мы с женой поселились в селе, в новом доме, первое время было очень трудно. Жили бедно!

Страшные времена были. Даже сейчас мы живем лучше, чем тогда жили. Я просил помощи у Екима.

– И что же он? – несдержанно спросил я.

– Он помогал. Только тем, чем нам не нужно было. Он дал нам тогда кровать и стол. Зачем они мне нужны? Ими что, прокормиться можно? Нет!.. А он видел, что мы живем бедно и ничего не имеем, голодаем. А у него тогда добра вдоволь было. Он продажей леса занимался и хорошо нажился. Половину этого самого леса разворотить успел.

– Так почему он не помогал? – смущенно спросил я.

– Видимо не любил и не любит меня.

– Та бросьте вы, он вас любит! Я-то вижу... А за те поступки простите его, ведь себе хуже делаете, своей душе, что злитесь и обижаетесь.

Он посмотрел на меня насмешливыми глазами. В моих увещаниях он увидел молодость и наивность. Он пропустил мимо себя все мои слова, и усомнился в каждом предложении. Самолюбие ослепило его, а злость сделала его сердце тверже сухаря.

Он скорее всего даже не понял мои слова. Они ему сказали только то, что ничего не сказали. Видимо поэтому он посмотрел на меня так насмешливо, потому что не понял ничего.

Наш разговор незаметно перешел в спор.

Я сам того не заметил, как начал доказывать младшему брату его неосновательные доводы на счет какой-то чепухи.

Но спор как прорванная плотина, его невозможно остановить. Тема на которую мы спорили сменялась так быстро, что я не успевал соображать за младшим братом. Он делал переходы с одного вопроса на другой так резко, но так уверенно, что я посчитал это нормальным. Я не успевал готовить ответ на его рассуждения, как он уже говорил о чем-то другом. Но все-таки одна фраза заставила меня забыть об уважении к старшим. Я его перебил.

– Что вы такое говорите? Как это не нужно знать зачем живет человек? Это необходимо знать каждому человеку...

– Не нужно этого знать. Живи себе и все!

– А как жить, если не знаешь зачем живешь? Если не знаешь, что нужно делать, а что не нужно? Нужно ведь знать направление, по которому необходимо двигаться, а какое направление нужно избегать, чтобы жить хорошо.

– Даже если это и так, то кому нужны наши рассуждения?

– Вы о чем? – смущенно спросил я, совсем понявши его слова.

– Я о том, что наши рассуждения никому не нужны. О них никто не узнает. Наши мысли, как крик в море.

– Как это не нужны? Я вас не понимаю... Эти рассуждения касаются вашей и моей жизни. Причем тут другие люди? Не могу понять... Вам что, нужен чей-то авторитет? Подтверждение ваших мыслей? Или что?.. Я хочу жить хорошо, вы хотите жить хорошо, вот мы и рассуждаем о том, как этого достигнуть.

– С чего ты взял, что я хочу жить хорошо? – сказал младший брат, совсем сбив мое дальнейшее рассуждение.

– Ну как с чего? Каждый хочет жить счастливо.

– А может мне этого не нужно.

– Ну это уже смешно...

Этот небольшой диалог был лишь вступлением перед более серьезной темой. Я открывал этому человек сердце, а он, со своей стороны, заглядывал в него, осматривал, и плевал на все то, что я считал самым важным.

Разговаривая с ним о жизни, я перешел на тему религии, хотя узнал от среднего брата, что Владимир Иваныч был атеистом, отрицал всякое вероисповедание. Его вера, как он сам сказал мне дальше, была вера в его семью. По своей молодецкой неопытности, слабой силы суждения и прочих неважных моментах, я так разгорячился, что наговорил лишнего.

Я никак не мог понять младшего брата. Мне приходилось совершать над собой не испытываемые мной ранее мучительные усилия, чтобы хоть немножко сообразить, как он мыслит и что чувствует. Но сколько бы я не старался, у меня выходили только головные боли и замученное от тяжелого труда сердце. Я видел заблуждения его жизни, но совершенно не знал, как ему преподнести их с невыгодной стороны.

Как ему сказать, что он не прав? И, стоит ли это делать?

Ведь сказать такому человеку, что он не прав, то же самое, как сказать пьянице, что он пьяница. Ведь он нисколько не поверит в то, что он, интеллигентный человек, нравственно

просвещённый, может одурманиваться. Если ему и сказать с доказательствами и примерами, что он пьет каждый день без отдыха, то он искусно, несколько самодовольно возразит, что это он для нервов пьет, а не потому, что любит пить и тем более зависим от водки. Более занятно то, что к этим рассуждениям он добавляет неосновательно и совершенно произвольно словечки ученых. И этим примером он окончательно подтверждает для себя, что он делает полезное дело.

Поэтому обдумав все, сообразив на этом примере ненужность что-либо доказывать, я решил не тратить лишних слов, и, как бы мне не было тяжело смотреть на этого заблудшего хилого мужика, я также решил оставить его судьбу на Божью волю.

Я вернулся к своей работе и продолжил уборку.

С больной ногой убирать было вдвойне тяжелей, и дело шло медленно. В обед я сделал перерыв и покушал. Во время еды я обдумывал разговор с младшим братом. Я обвинял себя в том, что задел его чувства, вывел его из себя. Мне было совестно за это, и я страдал. Но такое страдание продолжалось недолго, – только я принялся за работу, мне сразу стало лучше. За все это время, а это около пяти часов, от младшего брата не было ни слуху, ни духу.

Я успел поубирать только малую часть из того, что приметил. Братья вернулись с работы запыханные и уставшие. Я присел на свое место и принял такой вид, что могло показаться, как будто я весь день просидел в одной позе. Меня

переполняло чувство собственного достоинства, и я ободрял себя мыслью, что сделал что-то хорошее. Я ждал, что они заметят мое небольшое доброе дело и похвалят меня. Я насилу сдерживал довольную улыбку.

Время шло, а никто совершенно не замечал мой труд. «Может быть они подумали, что сами это сделали? Или забыли, как было грязно до их прихода? – рассуждал я. – Тогда они никогда не узнают о моем поступке!» Меня мучали смутные желания получить удовлетворение от выполненной работы в виде похвалы. Я понимал, что никакого приятного слова в свой адрес не получу. Это понимание смутило меня. Я потратил столько труда, который останется никем незамеченный. Ни один человек, ни одно живое существо не узнает, сколько всего за сегодня я переделал!

Все бы дошло до уныния при других обстоятельствах. Но утреннее возвышенное состояние духа не покидало меня на протяжении всего дня. Мысли притягивали одна другую. И тут, как сквозь густой туман, до меня из неведанных источников вдруг дошел лучик правды, что именно в этом то и есть истинное добро. Делать добро так, чтобы о нем никто и никогда не узнал!

Сколько бы я не делал им добрых дел, они забудут это. Но это не значит, что не нужно делать добрые дела им и другим людям; а значит только то, что не нужно делать добрые дела для личной выгоды. Нужно делать их для Бога. Только тогда они имеют цену.

Я делаю добро потому, что я так захотел, таков был посыл моей души. У доброты нет причины и следствия. Единственная цель добра – это добро.

Я заметно повеселел и захотел сделать еще какое-то доброе дело, только теперь для Бога, а не для людей. Хотелось сделать его незаметно, чтобы попытаться облагораживающее мою душу чувство, иными словами, получить награду за свои труды от Бога.

Братья пришли ближе к вечеру голодные и уставшие. Первым делом они сели готовить ужин. Я помогал нарезать овощи, успевая расспрашивать об их делах. Разговор медленно перешел к тому моменту, когда человек вспоминая о своей жизни, начинает без умолку говорить, и становится вполне эгоистом.

Старший брат вспоминал о своей жизни. Он говорил взвешенно и спокойно. Было приятно слушать его голос. Закончив рассказ, он резко выдохнул, как выдыхают после тяжелой физической работы. Но в этом выдохе было больше довольства, чем усталости.

Еким Иваныч сказал:

– Я хорошо прожил свою жизнь.

– Вы были довольны ею? – невольно спросил я.

– Конечно был, – сказал старший брат, удивляясь, как будто мой вопрос оскорбил его. Увидев его лицо, я поспешил скорее оправдаться.

– Вот это то и главное, чтобы счастливо жить, нужно быть довольным своей жизнью.

– Знаешь, если бы у меня прямо сейчас спросили: хочешь прожить свою жизнь заново, точно такой, какова она была? Честно, я бы с уверенностью сказал бы «да».

– Интересно... – ответил я, серьезно задумавшись на слова Еким Иваныча, который поспешно вышел из комнаты.

Я медленно чистил картошку, наслаждаясь процессом и тишиной. Желудок не прекращая бурчал и жаловался. Хотелось кушать.

Почистив картошку, я отдал ее среднему брату. Только я сделал это, в комнату вернулся Еким Иваныч. Лицо его выражало недовольство.

Только он сел и дал мне дальнейшее распоряжение, в комнату громко залетел Владимир Иваныч. По одной его позе было понятно, что он зашел с плохими вестями.

– Вот зачем ты заходил? – раздраженно спросил он.

– Я заходил, чтобы спросить, что ты будешь кушать.

– Нет! – во всю силу крикнул младший брат. – Ты не за этим заходил.

– Я заходил, чтобы спросить, что ты будешь кушать! – сказал громко Еким Иваныч.

Немыслимо было представить, что сейчас произойдет. Я затаил дыхание и не двигался.

– Да! Но ты спрашивал так, чтобы сделать мне хуже.

– Да нет же!

- Да! Не надо умничать! Не нужно меня учить, я сам все знаю! Рассказываешь мне непонятно что!.. Что ты мне дал?
- А что тебе надо? – удивленно спросил Еким Иваныч.
- Нет! Что ты мне дал после смерти родителей?
- Я тебе дал все, что у меня было!
- Все?!
- Все деньги я отдавал тебе!
- Деньги ты отдавал? – говорил младший брат, все больше раздражаясь.
- Все, до одной копейки, чтобы ты был счастлив!
- Так ведь ты сам говорил, что не в деньгах счастье!
- Я только говорил...
- Все! Замолчи! Не нужно меня ничему учить, я сам все знаю!

Младший брат так же быстро ушел, как и пришел. Его появление было для меня как гром с молнией. Его слова пересекли границу того, что я готов был понимать и принимать. Они пересекли границу возможного. Слух отказывался воспринимать все выше сказанное. Я совершенно растерялся.

Только я собрал все силы, чтобы оправиться от перенесенного и прийти в сознание, младший брат вернулся. Вид у него был совершенно другой. Не прошло несколько минут, как он заметно опьянел и переменялся. Глаза его стали совсем стеклянными, ноги согнулись в коленях, а язык не слушался и заплетался. Его речь стала в точности, как у пьяного человека. Помимо этого видимого изменения, он также

переменился настроением. Он начал говорить приветливо и дружелюбно. Это волшебное изменение, как по щелчку, привело меня в смятение.

Усевшись рядом со старшим братом на стул, он обращался только к нему. Чем больше говорил младший брат, тем больше раздражались старший и средний.

– Вы что больные? – удивленно спросил Владимир Иванович, после того, как ему сказали идти спать.

Все это время я отказывался понимать происходящее. Разум сильно ослаб и я чувствовал, что мной начали руководить инстинкты. Я сидел неподвижно, трепеща от ужаса. Слова: «Вы все больные», сошедшие с уст младшего брата, показались мне такими истинными, что я действительно посчитал нас за сумасшедших.

– Тут один человек больной – человек пьяный, – спокойно сказал дядя Петя. – Иди спать, Вова.

– Стойте. А почему вы на меня наговариваете?

– Потому что ты неправильно говоришь, – сказал старший брат.

– Я могу говорить все, что хочу.

– Хорошо, хорошо, только иди спать, Вова, – повторил дядя Петя.

– Нет! Ну вы больные, – радостно сказал младший брат, и захохотал. Все это время он говорил медленно и неразборчиво. – Вы все больные... Смешно... Смешные вы...

– Слышишь, что я тебе говорю? – сдержанно сказал Еким

Иваныч.

Младший брат хрипло засмеялся и повторил:

– Смешные вы, ребята...

– Ну все, Вова, иди поспи.

Младший брат не собирался уходить. Опыаненная голова готова раскрыть все тайны своей души. Он рассказывал бес-связно о всем том, что его волновало. Видимо об этом он не решался говорить на трезвую голову. Он обсуждал каких-то людей, обвинял всех о ком вспоминал. Он прямо-таки жаловался на свою судьбу и винил во всех бедах своих братьев и не знакомых мне людей.

Долго бы он еще разговаривал... Но старшему брату все это осточертело. Я видел в его глазах искорку злобы. Он резко встал, взял за руку брата, как маленького щенка, и хотел было отвести его спать. Но тот оттолкнул Екима Иваныча и переменялся в положении. Он выглядел как человек, готовившийся отбивать удары.

Старший брат стоял напротив младшего и взволнованно пытался ему растолковать, что нужно идти спать. Чем больше он увещевал его, тем больше краснело и кривилось от ярости и злобы лицо младшего брата. Было слишком несообразно видеть огромную, более спокойную, чем возбужденную фигуру старшего брата, и маленькую, хилую, разгоряченную, готовую ко всему фигуру младшего брата. Казалось, что все должно быть совсем наоборот. Мне, почему-то, хотелось поменять их местами.

Я чувствовал, что сейчас произойдет что-то необратимое. Я не знал, как поступить в такой ситуации, чтобы помешать этому; тем более я боялся влезть в чужие семейные отношения, и получить незаслуженное унижение.

Долго ждать необратимого не пришлось: старшему брату последовал, как мне показалось, сильнейший удар по лицу. Я даже услышал, как что-то щелкнуло у него в челюсти. Но, что хуже этого, посмотрев на краснеющее лицо старшего брата, я подумал просто, что он убьет его после этого поступка. Еким Иваныч, в свою очередь, простоял как будто в оцепенении несколько секунд, ничего не предпринимая. Он только сдержанно посмотрел на брата, не двигаясь с места. Он глубоко и часто дышал. Я видел по его напуганным глазам, что он боялся ни столько собственного брата, а боялся за возникшее у него желание ответить ударом на удар. Он чувствовал в себе силу и нес за нее ответственность. Он знал, что брат бы просто рассыпался под гнетом его крепкой, хоть и старой мужской руки.

Его высокий лоб то напрягался, собирая складки в единое, то расслаблялся, сгущая и так пышные брови. После нескольких таких напряжений и расслаблений, видимо связанных с сильнейшей внутренней работой, он издал свой привычный оборванный звук горлом, схожий на рев дикого зверя, и сел на стул.

Младший брат покинул неприятное место сразу после удара. Он скрылся так быстро, что я не успел заметить его

пропажу.

Мы все сидели тихо: не двигались и не шевелились. За окном начинало темнеть. В комнате становилось мрачнее с каждой минутой. Мы сидели на своих местах как призраки во тьме. Слышны были глубокие и тяжелые вздохи каждого.

Старший брат сидел неподвижно, подперев голову рукой. Он упорно смотрел перед собой. Его глаза не двигались, и ничего не выражали. Они казались пустыми и безжизненными. Могло показаться даже, что он умер. Только глубокие выдохи говорили обратное.

Что творилось в душе этого человека? На этот вопрос, возможно, не смог бы ответить даже сам старший брат. Было видно, что он задавал себе тяжелые вопросы, на которые не мог найти ответов. Его мучали и съедали изнутри противоречивые чувства. В его душе велась ожесточенная борьба добра со злом. Что выбрать?.. То, что неправильно, но соблазнительно, или что правильно, но мучительно? Как возродить любовь к брату? Возможно ли полюбить его вновь прежнюю любовью? Возможно ли забыть случившееся, простить его всем сердцем и не держать больше зла на него? Эти и другие вопросы осыпали его, неустанно терзали старое сердце. Он всеми силами тянулся к добру.

Его смиренная и добрая от природы натура, любезно помогала в этой борьбе.

Через время старший брат начинал приходить в себя. Наконец его глаза заблестели прежним светом, который в тем-

ноте засверкал особенно ярко. Эти две звезды живо осмотрелись по сторонам.

Еким Иваныч встал и поставил свечу на стол. Свет озарил его печальное лицо.

– Одно не справедливо в моей жизни, – вдруг сказал он спокойным голосом, – это моя старость. Вот скажи, за что мне все это? Я этого не заслужил, это не справедливо. Я всю жизнь прожил честно, никому зла не сделал...

Его слова задели за живое все мое существо. По моему телу как будто прошел электрический толчок. Со мной никогда такого не происходило. Ко мне из неизвестного источника рекой потекли новые соки жизни. Я ожил, воодушевился, выпрямился. Все тяготеющие чувства, которые прижали меня к табурету, как ветром сдуло. Из моего рта посыпались слова, которым я не совсем давал отчет. Чем больше я говорил, тем более возвышеннее себя чувствовал.

Я возмутился духом!..

– Как вы можете судить справедливо это или не справедливо? Значит вы отрицаете волю Бога, не принимаете ее.

Видно было, что мои слова были ему не понятны и сконфузили его; заставили задуматься.

– Если Бог вам дал такие страдания под старость, значит вы их заслужили.

– Заслужил? – громко спросил он, зарычал как зверь.

– Не то, чтобы заслужили... Простите, я не то слово подобрал... ну... Значит вам это нужно. Точно! Нужно значит

вам.

– Что значит нужно? На кой черт оно мне нужно? Я хочу тишины и спокойствия. А ты говоришь «нужно»!

– Конечно... Нужно вашей душе. Бог дает каждому то, что он заслуживает и что может выдержать. Кому-то он дает страдания телесные: болезни, увечья и т.п. Кому-то, как вам, страдания душевные. Только когда человек страдает, только тогда он начинает задумываться о своей жизни. По какому пути он идет.

– Все-равно это несправедливо! – сказал старший брат, как будто не слышал моих слов.

– Вы не можете знать этого. Если есть человек, творящий злое, но Бог не забирает этого человека, значит в нем еще идет внутренняя работа, значит он еще необходим людям. Необходим как лекарь больному. Лекарь заставляет больного пить неприятные горькие таблетки, которые его лечат, и он не противится этому. Мы считаем это справедливым. Если же на пути нам выпадает такие же горькие и неприятные страдания, которые лечат нас, мы почему-то противимся и считаем их несправедливыми. Люди берут на себя слишком много власти, решая наперед, что справедливо и что не справедливо. Но они не могут знать этого... Этот груз не по силам им.

– Я не знаю... Но все-равно зачем мне это? Выгнал бы его уже давным-давно, как собаку... Но ведь не могу... жалко мне его.

– Давно пора бы, – вмешался средний брат. Он все время присутствовал при нашем разговоре. – Ты его все кормишь, вот и получай! Была бы на то моя воля, прогнал бы его и дело с концом.

– Да... не нужно было тогда его к нам забирать. Нашел бы себе дом и жили бы все хорошо. Ведь у него всегда был характер не в дугу. А сейчас что? Не видели бы его глаза мои, этого пьяницу и бездельника!

– Что вы такое говорите?.. – испуганно сказал я. – Это же ваш брат... А вы так говорите, как будто он злейший враг вам.

– А как мне о нем говорить нужно? Еще скажи, что я его любить должен после этого.

– Должны, конечно должны! – воодушевленно, с трепетом в голосе сказал я

– За что же прикажешь мне его любить?

– Да за то только, что он ваш брат. Вот за это и нужно любить. Что же это за любовь тогда, когда вы любите его за какие-то внешние достоинства. Это уже не любовь.

Старший брат ничего не ответил. Весь его лоб сморщился, голова облокотилась на руку, и вся его поза приняла задумчивый вид.

Наступила гробовая тишина.

Я недолго предавался умозрению. Для меня сейчас было все понятно и просто. Мне понадобилось немного времени, чтобы перевести дух.

Внутренний огонь все сильнее пылал во мне. Я чувствовал в себе невероятную силу, которая способна двигать горы. Мне неудержимо захотелось поговорить с младшим братом. Я ясно сознавал и точно знал, что необходимо сделать то, что говорило сердце. Ноги сами вели к его комнате. Я не успел опомниться, как уже стоял около его двери. Она была приоткрыта.

Сквозь щель в двери я заглянул в комнату младшего брата. Слабое пламя освещало его. Он лежал на кровати, скрутившись в клубок. Я слышал, что он плачет.

Мне стало невыносимо жаль этого человека. Вся внутренняя сила тянула меня к нему. Но я, почему-то, не мог двинуться с места, сильно сжав рукою дверь. Получилось так, что я случайно толкнул ее. Она издала неприятный скрип.

– Кто там?.. Сережа, это ты?

– Да, Владимир Иванович.

– Подойди сюда. – сказал он, как будто чем-то напуганный. Глаза его жалобно блестели, а лицо, полное отчаяния и невыразимого горя, неподвижно смотрело на меня.

– Что случилось? – спросил я, медленно приближаясь к нему.

– Мне плохо...

После этих слов он скривил лицо и сильнее прежнего заплакал. Слабый огонь осветил его красное и мокрое лицо. Он выглядел так, как выглядит маленький ребенок, лишившийся ласки матери. Он напуган, ему страшно, он ничего

не понимает; со всех сторон бесконечный мрак. Для ребенка мама, как ангел-хранитель; для человека, находящегося в отчаянии, любовь, как солнце, – согревает и дает надежду.

Я тихо подошел к этому старому человеку, присел рядом, погладил его по голове и сказал:

– Все будет хорошо.

Я сидел рядом, боясь пошевелиться и сказать что-нибудь лишнее. Все мое тело трепетало и дрожало. Мне было волнительно: легкие как будто сжало тисками со всех сторон; мне не хватало воздуха. В горле появился ком. Я сидел и не двигался до того момента, пока не понял, что младший брат уснул.

Он уснул тем тяжелым сном, с которым погружаются в спячку медведи.

Я тихо потушил свечу и незаметно покинул эту тягостную, удручающую, безмолвную комнату.

В изнеможении добравшись до кровати, я упал не нее ничком.

Все те силы, данные мне на время, как будто испарились. Действительность встала передо мной во всем своем величии и ухала на меня. Пролежав несколько минут в совершенно обездвиженном состоянии, меня постепенно начинали посещать разные мысли.

Я упал с неба на землю.

Взглянув на этих трех старцев впервые, у меня возникла мысль, что они пропитаны мудростью жизни и казалось, что

каждый знает, зачем он живет и куда идет. Как же все-таки обманчиво первое впечатление! Познакомившись с ними поближе и заглянув под эту мнимую оболочку, я разочаровался. Каждый из них не только не знал зачем он живет, но и не хотел этого знать.

«Что же все-таки ими движет? Ведь как можно жить, не зная, зачем ты живешь. А они не знают и живут... Значит они невольно дали себе ответ на этот вопрос. Может быть ответ не совсем удовлетворяющий их внутренним потребностям, но ответ, позволяющий жить»

«... Что я могу сделать для них, когда они сами ничего не желают менять? Им хочется, чтобы все в их жизни переменилось без каких-либо серьезных изменений. Как по мановению палочки. Но так не бывает... Хочешь жить лучше, нужно измениться. Нужно измениться самому, а не менять другого. И не важно какого человек возраста... Я им это растолковывал. Они слушали, слушали, и продолжали свои жалобы друг на друга»

«... Я ведь им говорил, что надо менять себя, свое отношению друг к другу. Старшему и среднему к младшему. А ему, в свою очередь, проявить силу воли, отказаться от водки и тоже изменить отношение к братьям; в первую очередь простить им все обиды»

«... Я не знаю, как им помочь, если сами не хотят...»

«... Может такая неискренняя жизнь их устраивает, но я никак не могу жить дальше в такой лжи...»

На этом ход моих мыслей прекратился. В сердце появилась прохлада.

Разум отыскивал решение, чтобы отогнать неприятные чувства. Он мгновенно отбрасывал непригодное и бережно сохранял годное.

Мне вспомнилась моя семья.

«Эх!.. Как приятно вспомнить в такие минуты уныния о своей семье! О маме, папе, которых люблю больше души своей! Мама наверно совсем распереживалась за меня... побыстрее бы уйти домой!»

Как мне сейчас было радостно любить тех людей, которых рядом не было. Любить же этих, с их привычками и не желанием меняться, может быть со скрытой неприязнью ко мне, – было тяжелее всего на свете. «А ты полюби» – сказал мне какой-то внутренний голос. «Да за что их любить? – говорил другой. – За их бесчувственность и эгоистичность?» Во мне началась какая-то взволнованная и неприятная борьба. Первый голос напоминал мне о главном; второй приводил исключительные, тонко подмеченные, длинные рассуждения и примеры в пользу обратного.

Кому верить?.. Я не знал.

VII

День 3-й (в лесу)

Я открыл глаза от человеческого шума, который отчет-

ливо доносился до меня из другой комнаты. Вот уже третий день я просыпаюсь от разговоров. Старым людям нужно немного времени, чтобы выспаться. Братья встают рано и по обыкновению принимаются за домашнюю работу.

Проснувшись после ночи, я был полон сил. У меня был такой крепкий сон без сновидений, что, открыв глаза, я готов был сразу встать и пробежаться. Но не тут-то было...

Вот что я успел услышать.

– Как ты не слышишь, так это нормально, а как я забываю, так ты сразу ругаешься!

– Да замолчи ты уже, замолчи! – говорил старший брат среднему голосом, полным отвращения.

– О! Ты дед противный, злой!

– Да не был бы ты моим братом, я уже давно как бы треснул тебя ногой по роже!

Услышав от этого большей частью спокойного, смиренного и доброго человека такие страшные слова, меня как стрелой поразило прямо в сердце; мне стало отчего-то плохо; меня начало нравственно и физически тошнить. Я уже не мог закрывать глаза на такое поведение Еким Иваныча. В мгновение ока я потерял не только то теплое, задушевное расположение к этим забавным старичкам, которыми они мне казались вначале нашего знакомства, но и всякое любовное чувство к ним.

В одно мгновение они мне опротивели.

Мне показалось, что такое чувство возникло у меня сра-

зу, как только я услышал их слова. Но кувшин постепенно наполнялся, капля за каплей. Вот уже на протяжении трех дней я замечал много странного и непонятного, но пропускал мимо себя. Теперь кувшин наполнился доверху, и я не мог не заметить этого.

Я прочувствовал, что испытываю к ним скрытую неприязнь.

– Та отвали ты от меня, – тихо сказал себе под нос средний брат, когда вышел из комнаты, проходя мимо меня. Хотя я слышал весь их разговор и понимал рассудком, что старший брат неосновательно завелся и обругал среднего, у меня все-равно возникли нехорошие чувства, а затем и осуждающие мысли именно к среднему брату. Видимо они возникали потому, что я сам начинал относиться к нему недоброжелательно и потому находил всякий повод, чтобы осудить его.

Я притворился, что еще сплю, и не подавал никаких признаков бодрствования.

Средний брат скрылся за дверью.

Как только он пропал из виду, я сразу встал, оделся и направился к столу.

В доме было тихо. Мои шаги издавали громкий и неприятный скрип.

Я сел у окна и стал прислушиваться к пению птиц, всматриваясь в зеленые листочки на колыхающихся от ветра ветвях. Меня все чаще начинали посещать приятные мысли о доме. Вдруг дальняя дверь, та что находится у кровати, за-

скрипела, и в комнату заглянул Петр Иванович. Он почему-то не заходил.

Я чувствовал всем своим существом, что он ждет того, чтобы я на него посмотрел. Я понимал, что если посмотрю в его сторону, он ко мне заговорит; если не посмотрю, то у него не хватит духу заговорить первому. Я чувствовал, как он одинок среди братьев, и это больше всего было мучительно для него. Поэтому я все-таки из сочувствия к нему решил повернуться, хотя твердо знал, что придется выслушивать его ненасытные, долгие и пустые рассуждения.

Так мне показалось вначале, что из сочувствия; но прислушавшись немного к собственному внутреннему голосу, я испугался того осознания, что хочу повернуться совсем не из сочувствия, а из желания послушать его глупые рассуждения, и язвительно поглумиться над его слабым умом.

Зло поселилось в моей душе... Что же делать, когда оно в тебе? Зло хоть и пугало меня и было горько на вкус, манило меня своим сладким послевкусием. Я повернулся.

– Ты так тихо сидишь, я подумал ты уже ушел.

Как бы мне хотелось поддаться его простодушному и наивному расположению духа! Только я хотел это сделать, мне вспомнилось его чрезмерное, наглое лицемерие и ложь. Вспомнилось, как он становился назойливым в своих поступках, в особенности, когда ему было скучно или что-то нужно. Вспомнилось, как он в такие моменты пуще обычного укалывал братьев маленькой иголочкой, под названием

«слово». Мне было мучительно трудно преодолеть чувство неприязни к нему, над чувством сочувствия и сострадания к его несчастной, заблудшей судьбе.

Я ничего ему не ответил, только махнул головой.

– Я тебе здесь не помешаю?

– Нет, конечно. Это я должен спрашивать, не надоел и не мешаю ли я вам?

– Нет-нет, ты что?! Не мешаешь, нисколько не мешаешь. Наоборот, когда я тебя вижу, мне отчего-то становится лучше и спокойнее. А то уже нервы от младшего брата на пределе. Ой!.. – он глубоко вздохнул. – Не знаю, что с ним делать. Ничего не ест, сидит себе целыми днями в комнате, да все в книгу уткнется, как зайду...

– Если я не ошибаюсь, он делает и расписывает глиняную посуду.

– Глиняную посуду! Тьфу на нее, тудыть ее корень! Чепуха это все... Вон у нас на поле работы не початый край. Уже скоро конец апреля, а мы только начинаем картошку сажать, хотя погода вон-то какая! А еще, к тому же, на улице и во дворе после морозов столько мусора и листьев собралось, что мы не успеваем ничего. Да еще эта старость не в радость, тудыть ее корень!.. А он вместо того, чтобы помочь, все сидит, читает, ерундой страдает. Говори ему, не говори, все одно: как горохом об стену! Тьфу.

Доводы дяди Пети оказались мне убедительными и сначала внушили мне бесполезность того дела, которым за-

нимался младший брат. Но я видел его работы и понимал, что он попросту не знает кому их продавать, и вообще считает, что они мало кому понадобятся; хотя, в то же время, ставит на них немислимую цену.

– Ну почему же вы так о нем? Например, в моем городе очень нужна людям хорошая посуда, сделанная своими руками. Я согласен, что он просит слишком большую цену за нее. Но если договориться с ним, то я готов помочь ему в этом деле, как только оправлюсь.

Я видел и чувствовал, что старшие братья после смерти их родителей решили все обязанности по воспитанию возложить на себя, принялись жадно поучать того единственного человека, который был младше всех. Я замечал, как он страдал от их притеснений, и мне очень хотелось ему помочь.

– Хвала небесам! Спасибо тебе, сынок.

– Вы подождите радоваться, дядя Петя. Это все только разговоры. Нужно для начала с ним поговорить, все взвесить и только тогда к делу приступать.

– Что взвешивать?.. Понимаешь, он у меня уже в печенках! На-до-ел. Ничего не делает... – дальше он начал повторять точь-в-точь те же ругательства на младшего брата, которые говорил мне и раньше. Хотя я и чувствовал раздражительность, все-таки не осмелился прерывать его и выражать свое неудовлетворение. «Все же старый человек» – успокаивал я себя.

– Но ведь у меня еще нога не прошла.

– Нога? Какая нога?.. Ах, да... Ну ничего, как скоро пройдет, так сразу приступишь, хорошо?

Я кивнул головой в ответ.

– Кстати, вам там в городе часом работник не нужен? Потому что Вова не работает. Сидит себе целыми днями, книги читает. Ну ты представляешь? – спросил он, совершенно забыв про наш разговор. Я не знал, как на это себя повести. У меня внутри начинала подниматься буря негодования и возмущенности. Таких странных до глупости людей мне еще не приходилось встречать. «Зачем я трачу на него время и силы?» – подумал я.

Я чувствовал, что начинаю злиться. Мне было сейчас все равно, что он нездоровый человек. Иначе говоря, я хотел высказать ему все, что меня волнует.

Только я собрался сказать неприятное словечко, он заговорил:

– Можно на тебя немного посмотреть?

Этот вопрос показался мне не просто странным, но я опрометчиво предал ему несколько сумасшедший оттенок. Я никак не мог сообразить, зачем на кого-то смотреть просто так. Тем более на человека, совсем не знакомого.

Я упускал из виду одну особенность. Порой человеческие желания, заложенные в нашу сущность, могут скрываться под видом, противоречащим здравому смыслу. Этот старый человек, с этими животными и пустыми глазами, доживающий свою жизнь, просто хотел почувствовать благотворное

влияние человеческой любви. Я говорю не о той любви, которой обычно и в большинстве случаев приписывают значение любви между мужчиной и женщиной; или о той, которая доставляет нам видимое удовольствие, то есть приятна нам; наоборот, я говорю о той врожденной братской любви ко всем людям, порой к злым и ненавидящим нас. Такой любви учила меня бабушка с детства, но только сейчас я почувствовал ее необходимость. Я нуждался в ней настолько, насколько желает воды заблудившийся в пустыне путник.

Видимо средний брат видел во мне себя в молодости, такого же живого и свежего, полного сил и стремлений. Я напряг все нравственные силы, чтобы полюбить его, но все было напрасно... Мне было мучительно трудно превозмочь чувство отвращения, которое только усиливалось от общения с этим человеком. Я сухо махнул головой, так и не осмелившись сказать: «Глупое и странное желание»

Через некоторое время, после этого случая и разговора, мы сели завтракать. Младший брат не выходил из своей комнаты все утро. Мы кушали без него.

Средний брат пил чай, сильно глотая горлом. Он издавал такой отчетливый и противный звук, что могло показаться, как будто он дней десять ничего не пил. Он несколько раз не переставая полоскал рот чаем.

Наблюдать за старшим братом было еще мучительнее и неприятнее. Он чмокал ртом, каждый раз после того, как пережевывал еду. Отрыгивал так часто, что страшно себе пред-

ставить! Мое воображение усиливало каждый шум, издаваемый его ртом, и добавляло к этому воображаемый до омерзения запах!.. Ужас!

Я был взбешен, раздражен, мне хотелось сделать какую-то молодецкую глупость. Что хуже, мне хотелось увеличить в себе раздражительность, чтобы потом как рубануть гадким словечком по старому безобидному существу!

Осознав все мои чувства и желания, я на секунду испугался самого себя. Я признал все чувства и мысли, испытываемые к этим людям, не моими. Я признал их гадкими, омерзительными, самыми злейшими и потому презрительными. Но этого было недостаточно: они набрали обороты, и, как сильное течение, которому я не знал как противиться, тянули меня в пропасть. Мое внутреннее сопротивление было так слабо и так безнадежно, что я по слабости своей решил поддаться злему чувству. От одного разка ничего страшного ведь не случится?

– Может хватит уже! – громко запротестовал я.

– Что хватит? – удивленно спросил средний брат.

– Так плямкать!

– А мы что, плямкаем? – невинно продолжил дядя Петя.

– Да, и очень сильно!

– Что он сказал? – вмешался старший брат.

– Ой! прости нас, Сережа, мы не хотели. Мы больше так не будем. Обещаю!

Средний брат говорил со мной таким тихим и добрым го-

лосом, его лицо, казалось, было пропитано смирением, что я немного упокоил свой пыл. Его доброта как бы водой охватила мое внутреннее пламя, заставив его на время сделаться тише.

– Что он сказал? – повторил старший брат.

– Чтобы ты не плямкал.

– Что-что?

– Не плямкай!

– А что, я плямкал?

Я махнул головой.

– Ну простите. Я даже не замечал за собой.

Я понимал, что нужно что-то делать с собою.

Первое, что пришло мне в голову, – закрыться от этих стариков и перестать разговаривать с ними. С этого момента я начал отвечать им коротко и сурово. Иногда приходилось переходить грань приличия и отвечать грубо, но только дяде Пете.

Братья не понимали, почему я себя так веду. Средний все спрашивал за столом:

– Мы делаем что-то не так?

На что я сухо отвечал:

– Нет, все хорошо.

Но все было не хорошо...

Характеры у всех были скверные, привычки не изменяемые, взгляд на вещи отвратительный и полон заблуждений. Как бы мне здесь не было худо, все-таки зачем-то я здесь

оказался. Ведь не просто Провидение связало меня с этими людьми?

После завтрака все убрали со стола, и я остался один в комнате. Я целиком погрузился в собственные мысли.

Через время в комнату пожаловал старший брат с тарелкой в руке. Я начал сердито наблюдать за ним. Мне открыто не нравилось, что он постоянно носит еду к младшему брату. И также уносит грязную посуду. Почему я так воспринимал это обычное дело, я никак не мог знать. Сейчас понимание того, что он несет брату еду, еще больше озлобило меня. Я не мог сообразить только одного, – как старший брат, после унижений и нападок на него младшим братом, мог так спокойно приходить к нему, приносить еду, и начинать снова и снова заводить пустые разговоры обо всем на свете, вместо того, чтобы поговорить об их отношениях и чувствах; и снова и снова спорить и ругаться с ним из-за какой-то чепухи, которая и гроша ломанного не стоит; и снова и снова слышать от него либо необоснованные обвинения, либо унижения, которые ливнем обрушиваются на него в припадке ярости.

Услышав веселый голос младшего брата, мне неудержимо захотелось с ним поговорить. Я постучался в его дверь и вошел в комнату.

Внутри нее стоял ужасный, спертый воздух, чувствовался запах водки и мужицкого пота.

Младший брат что-то небрежно возился с ангелом и увидев меня, жалостливо улыбнулся. Я спрашивал у него разные отвлеченные вопросы и ни слова не обмолвил о вчерашнем. Зато злорадно поделился с ним утренним разговором со средним братом. Я ему тихо рассказывал, удивляясь с дяди Пети. Наконец вдоволь наговорившись о среднем брате, о его причудах и насмеявшись до боли в животе, я посчитал нужным попытаться еще раз заговорить с младшим братом о жизни. Начал я свою речь с произошедшего вчера инцидента.

Как только я заговорил о том, что одурманивание отравляет жизнь не только пьющему, но и людям, живущим с ним, младший брат вспылал. Ему сильно не понравилось то, что я мог предположить, что он мог оскорбить или сделать неприятно близким людям. Но меня удивило больше всего то, что он настойчиво отрицал свое хамское поведение. Мне захотелось еще яростнее доказать, что он не прав. После того, как я ему сказал, что он вчера ударил своего брата, Владимир Иваныч совсем озверел. Он резко перешел на мою личность и как-то умудрился сделать меня виноватым в его ошибках. Он прямо-таки начал унижать меня. Он кричал и оскорблял меня. Лицо его было ужасно в этот момент: оно было все красно и пропитано ненавистью. Нижняя челюсть выдвинулась вперед, глаза смотрели вниз и как-то в сторону. Казалось, что он сейчас встанет с насиженного места и стукнет меня так же, как своего брата.

Я совсем растерялся. Вначале я не мог сообразить, что происходит. Чем больше горячился Владимир Иваныч, тем больше я становился слабее духовно. Я чувствовал, как все мои внутренние силы истощаются. Я ослаб и не мог ничего ответить. Мне показалось, что я сейчас потеряю сознание. Все вокруг начинало меркнуть и сливаться в нечто неясное, расплывчатое. Хотя я чувствовал ужасную усталость, тело мое все трясло в лихорадке, меня бросало в пот. Я не мог дать ясное определение своему состоянию, и готов был завалиться прямо на месте. Казалось пара-тройка новых оскорблений окончательно прикончит меня.

– Вла-димир И-ваныч... пожалуйста простите меня... я... хотел сказать только, что... главное это любовь...

– Любовь?! – закричал он. – Любовь – это ничто, пустой звон, бабский лепет. Ее нет, слышишь, нет! Все это где-то там... Ты говоришь о какой-то любви, а сам-то как говоришь со мной?! Да ты меня презираешь. Да-да!.. Говоришь о какой-то братской любви между людьми, а сам меня и ненавидишь.

Слышать от него унижения и оскорбления было еще ничего, но услышать от него, что я разговариваю с ним так, как будто ненавижу и не люблю как брата, было совсем не справедливо и жестоко...

Я вышел с комнаты совершенно уничтоженный. Передать все свои чувства невозможно никакими словами. Я ощущал, как все мое тело горело, трепетало, разрывалось на части. В

груди невыносимо тянуло и жгло; воздуху не хватало. Что-то во мне просило свободы. Я сделал судорожное движение телом, как бы желая струсить с себя неприятное ощущение.

Впервые я заметил, что я не совсем желанный гость в этом доме, в котором уже с течением времени глубоко укоренились свои привычки жить.

Я всеми силами души хотел находиться сейчас в другом месте, где нет этих людей, вызывающих такие мучительные и страшные чувства. Мне хотелось избавиться от этих ощущений, разрывающих меня изнутри.

Я решил скорее убежать с этого места.

Только я направился к двери, перед ней встала чья-то фигура и загородила дорогу. Я сначала не мог различить, кто это там стоит, но решил, что это сам дьявол, желающий продолжить мои страдания. Я испугался на мгновение, но не прекращал идти. Подходя все ближе и ближе к этой фигуре, я стал понимать, хотя очень смутно, что передо мной стоит средний брат.

Он слышал весь разговор и стал перед дверью, как бы предвидя мой уход.

– Сережа ты куда?

– Пустите меня, – судорожно ответил я.

Средний брат не двинулся с места. Я сделал шаг вперед, намереваясь пройти. Так как комната у двери была узкой, он расставил в стороны руки и полностью загородил проход. Под влиянием взволнованности, это движение сильно напу-

гало меня. Он закрыл путь к бегству и свободе!

– Петр Иванович, что вы делаете? Пропустите меня! – напугано пролепетал я.

– Ты никуда не уйдешь!

– Почему это? – в полном оцепенении, с совершенным непониманием происходящего продолжил я.

– Потому что у тебя не выздоровела нога. Я тебя никуда не пущу.

– Отойдите, или я за себя не ручаюсь!

Средний брат не двинулся. Я взял его руку и с невероятной силой откинул его в сторону. Он посмотрел на меня испуганными глазами. Но я не обратил на это внимание.

Подойдя к двери с моих глаз брызнули слезы, я повернулся и крикнул во всю силу дрожащим голосом:

– Вы все больные, слышите больные и... сумасшедшие!

Я выбежал из дома с такой скоростью что могло показаться, что моя нога уже выздоровела. Но я сквозь режущую боль бежал куда глаза глядят. Я точно не осознавал, что делаю и куда направляюсь. Мне только всею душою хотелось покинуть это до ужаса мрачное и заблудшее место.

Я бежал так быстро, как только мог. Из моих глаз рекою текли слезы. Я не знал, почему плачу, но мне было невыносимо горестно и больно...

Добежав до края леса, я остановился.

Я бессознательно припал к первому попавшемуся дереву

и уперся головой в его кору. Я плакал так сильно, как никогда в жизни. Я задыхался от слез, переполняющих меня. Я находил в них страдание, и, в тоже время, упоение.

«Отче, милостивый, ответь, прошу Тебя, за что Ты мне даешь такие душевные мучения. Заслужил ли я их?.. Почему мне так больно внутри, Отец, почему?.. За что люди так ведут себя со мной, что плохого я им сотворил? Почему они так жестоко отзываются о других людях? Ведь все мы братья... Почему мне так больно от их слов, Отче? Ответь, прошу Тебя... умоляю... Почему они ненавидят какого-то человека, которого они знать не знают, а больно мне?.. Я не верю их словам! Это не их слова! Они просто заблуждаются и слепы душою. Жалко мне их. Я люблю их... Люблю всех людей. Я всех люблю, потому что все мои братья по духу! И мучения, которые Ты послал мне, я тоже люблю, потому что они очищают мою душу от грязи и всех извращений, которыми она была переполнена... Спасибо, Отец! Прости мне, и им прости... Я люблю Тебя»

Во мне пробудились те истинные христианские чувства, которые давно дремали во мне, и проявляли себя только во внешнем богопочитании, то есть только на словах. Все то, что с таким трудом вкладывала в меня бабушка в детстве, по неизвестным для меня причинам осырело, заржавело и стало лишь чем-то приятно забытым. Я был только на словах христианином, на деле же я был самый настоящий лицемер!

Отирая слезы, я начинал приходить в себя. Поднявшись

на одной ноге я осмотрел место, где находился, и стал смутно соображать, что мне делать дальше. Я увидел подле себя хорошую крепкую ветку, отломал от нее ненужные сучья и, примеряв, стал использовать вместо костыля, чтобы дойти до дому.

Я ступал медленно.

Через несколько шагов я остановился, опустил на колени, и склонил голову к земле.

«Прости, Отче, что не смог полюбить этих людей. Прости меня, что злился на них и ненавидел. Злой я, злой... и ничемный!.. Господи, оглянись на меня негодного»

С этого дня я больше не видел трех старцев.

Бердянск. 6 июня 2017 г. *Александр Мильченко*